

Новинка от автора
«Книги таинств Деливеренс Дейн»

КЭТРИН
ХОУ

ДОЧЕРИ
ТЕМПЕРАНС
ХОББС

САЛЕМСКИЕ ВЕДЬМЫ И РОДОВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Кэтрин Хоу Дочери Темперанс Хоббс

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55807352

Дочери Темперанс Хоббс: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-111775-7

Аннотация

Конни Гудвин – эксперт по разрушенному колдовством прошлому Америки. Молодой профессор из Бостона, она построила успешную карьеру, изучая историю магии и разоблачая угрозы общества в отношении тех, кто владел искусством чародейства. Конни – прямой потомок женщины, которую судили как ведьму в Салеме. Что, если ее способности были намного опаснее, чем то известно исторической летописи? И что за тайна скрыта за смертельным проклятием всего ее рода?

Содержание

Часть I	5
Пролог	6
1	19
2	35
3	47
Интерлюдия	67
4	74
5	97
6	110
Интерлюдия	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Кэтрин Хоу

Дочери Темперанс Хоббс

Посвящается Луису

Katherine Howe

THE DAUGHTERS OF TEMPERANCE HOBBS

Copyright © 2019 by Katherine Howe

© Михайлова-Сдобнова Ю.А., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I

Aetite¹

Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом.

Руфь 1:16

Русский синодальный перевод

Диавол уподобил нас неистовому морю. И ныне гнилость, сокрытая в душах людских, предстает пред всеобщим взором подобно тине, что могучие волны вздымают со дна морского.

Коттон Мэзер,

«Чудеса незримого мира»², 1693 г.

---

¹ Aetite (от лат. – орлиный камень) – полый светло-коричневый камень этита, который женщины использовали в качестве амулета во время беременности и родов.

² «The wonders of the invisible world», Cotton Mather.

Пролог

Истторп Эссекс. Англия

Сретение Господне

1661

Внезапно в щеку Ливви Хасселтайн влетел крупный комок, и по всему ее лицу растеклась отвратительная слизкая жижа. Бедняжка выронила корзину и кинулась наутек, продолжая ощущать тошнотворный привкус сырой земли, смешанной с овечьим навозом.

– Убирайся! – прокричал ей вслед один из мальчишек, в то время как его товарищи, словно свора озлобленных псов, бросились в погоню за жертвой.

Девчушка стремительно неслась прочь, а позади, точно крылышки напуганной птички, трепетал подол ее плаща. Когда мимо уха пронесся еще один грязевой ком, Ливви ссутулилась, безнадежно мечтая превратиться в крошечную и незаметную.

Дощатые заборы и массивные каменные хлева плотно жались друг к дружке по обе стороны дороги. Промозглый, характерный для поздней зимы туман настолько сгустился, что Ливви не могла разглядеть за изгородями практически ничегошеньки – лишь слышала тихое ласковое мычание коров, хруст пережевываемой ими травы да изредка бычий рев.

Ливви задрала подол юбки до колен и помчалась, громко стуча каблуками по покрывшимся тонкой ледяной корочкой лужам. Свернув налево, беглянка увидела дыру в заборе и нырнула туда в надежде, что не ошиблась. Девочка протиснулась меж тесно скучившихся от холода кудрявых овец, которые легонько похлопывали по ее коже мягкими подвижными ушами, и соскользнула вниз по влажному земляному пригорку. Чепец слетел с головы Ливви, словно его сорвали незримые пальцы, и на глаза ей упала светло-каштановая челка. Бедолага обернулась и вгляделась в плотную серовато-белую пелену, опустившуюся на деревушку Истторп – этот гнусный уголок земли, где ей не было совершенно никакого житья. Интересно, сколько их? Силуэты троих мальчишек обретали все более четкие очертания. Ливви уже слышала тяжелое дыхание нагоняющих и их ритмичный топот.

– Эй ты, дьявольское отродье! Проваливай, а то не поздоровится!

– Куда она побежала?

– Туда!

– Вон она! Вижу!

Очередной ком грязи пронесся сквозь туман и, не долетев двух метров до Ливви, шмякнулся на землю. Девочка побегала еще быстрее. Ее шерстяные чулки сползли уже до самых колен.

Ливви совсем запыхалась, а щеки ее залились ярко-алой краской, ведь спастись от погони малышке приходилось нечасто. Хасселтайн редко покидала свой временный дом. Она предпочитала сидеть у теплого камина, вороша кочергой догорающие угольки, либо помогать хозяйке с уборкой или шелушением гороха. Вот и появляться на людях сегодня было огромнейшей ошибкой. Ливви была слабенькой девочкой, и ей ничего не стоило подхватить хворь. Кожа бедняжки разгорячилась и покрылась испариной. Ливви, как никогда, мечтала очутиться на душном спокойном чердаке, улечься на соломенный тюфяк в обнимку с псом и наблюдать за безмятежным сном четвероногого друга, ощущая под ладонью биение его маленького сердечка. Оказаться бы сейчас в безопасности, под крышей дома, вдали от посторонних глаз.

Глаза Ливви намокли, но не от слез, а от налипшей на ресницы грязи. Плакать девочка даже не собиралась.

– Мы поймаем тебя, малявка! – выкрикнул один из преследователей, и овцы тревожно заблеяли, испугавшись громкого мальчишечьего хохота.

Шерстяное платье девочки пропиталось потом, отчего потемнело в подмышках и на спине, а ее рваная челка прилипла к взмокшему лбу. Сквозь белую пелену беглянке удава-

лось лишь отличать коричневые хозяйственные уголья от зеленых, усеянных овцами и пузатыми бодающимися друг с дружкой козами.

Туман рассеивался перед глазами и сгущался позади, словно во сне. Ступни Ливви не касались земли, а мокрые земляные комья приземлялись где-то далеко позади. Бедняжка Хасселтайн тяжело дышала и вглядывалась во мглу. Вскоре девочка увидела полдюжины овец. Кучерявые животные спешно разбрелись по сторонам, подобно кругам на воде, освободив беглянке путь. Звуки погони упорно не затихали.

Впереди замаячил силуэт, напоминающий очертания дома. Перед ним выстроился ряд деревьев. Ливви буквально раздвигала локтями туманные стены, порывисто выдыхая и проталкиваясь вперед что было мочи. Деревья были старыми, могучими и казались девочке незнакомыми. В голове юной Хасселтайн промелькнула мысль, что маменька бы пожурила ее за это незнание, но спустя несколько мгновений она поняла: «Нет! Я знаю, что это. Это же ясени! Я – молодец». Ливви юркнула за необъятный ствол векового дерева, сплошь утыканного старыми сучьями, массивные ветви его свисали чуть ли не до самой земли. Девочка вжалась в ясень, изо всех сил стараясь слиться с корой. Грудь бедняжки продолжала высоко вздыматься. Чтобы не издавать шума, Ливви задержала дыхание, и ее ноздри раздулись.

– Куда она запропастилась?

– Смотрите! Следы!

Далеко ли они? Судя по голосам, совсем близко. Артерия на шее девочки бешено пульсировала. Под пальцами крошилась отсыревшая кора древнего ясеня.

– Бежим туда!

Ливви слушала шаркающие шаги преследователей и бесчисленные проклятия с ругательствами, которыми они сыпали в ее адрес.

Ворчание и шмыгающие звуки утираемых рукавами носов стихли, и трое мальчишек, чьих имен Хасселтайн не знала, сбежали с небольшого пригорка, а затем перепрыгнули через каменистый ручеек, что прорезал дно долины, – сперва один, затем второй и, наконец, третий. Ливви продолжала стоять затаившись.

Преследователи не переставали звать девочку, зачерпывать горсти земли с мелкими камешками и запускать их в беспроглядную мглу – туда, куда, по их мнению, побежала Ливви. Мальчишки устремились вдоль ручья и слегка отдалились.

Ливви приподняла подол юбки и на цыпочках заторопилась в сторону смутных очертаний каменных стен, витражей и заостренной крыши. Достигнув того места, куда падала тень здания, девочка с удивлением обнаружила, что это был вовсе не обычный сельский дом, а церковь. Один из торцов здания венчал не слишком выдающийся шпиль, а мрачные узкие окна имели стрельчатую форму, характерную для го-

тической архитектуры.

«Собор Пресвятой Девы Марии».

Маменька предостерегала Ливви, что ей следовало держаться подальше от всего папистского.

– Нет, здесь девки нет, – прокричал вдали мальчишечий голос.

– Вернемся! – предложил один из задир.

Девчушка тихонько подкралась к тяжелой дубовой двери с монументальной железной задвижкой и петлями и надавила на нее плечом. Та со скрипом отворилась. Скользнув внутрь, беглянка заперлась и наконец очутилась в относительной безопасности.

В соборе было темно, сыро и довольно прохладно. Трясаясь от холода, Ливви скрестила руки на груди и проследовала вглубь мрачного зала. Свечи, установленные на кованом алтарном подсвечнике, отбрасывали тусклые блики на расположенные рядами скамьи и озаряли снизу скульптуру Богоматери с нагим младенцем на коленях. В воздухе витал выраженный запах расплавленного воска. Хвойные гирлянды, не убранные еще с празднования Рождества Христова, украшали внутреннее убранство. Со стен за Ливви холодными глазами мрачно следили всевозможные святые.

Идолопоклонство, между прочим, причислялось к страшным грехам.

Ливви шла вдоль стен, разыскивая укромное местечко, куда бы можно было спрятаться. На лице девочки плясали

разноцветные отсветы солнечных лучей, лившихся сквозь витраж «Воскресение Христово».

Нужно будет вернуться и подобрать корзину, ведь их всего две на семью. Ко всему прочему, дно второй изгрызли мыши. Сегодня несчастливица не донесла до дома лук, картофель, пучок зелени и сорванные на краю поля одуванчики. Теперь все это, без сомнений, сжевали козы. Ливви Хасселтайн ненавидела Истторп всей душой.

Внимание девочки привлек альков перед южным выходом. Арочный свод и холодный камень полностью его затеняли. Ливви юркнула внутрь и, соскользнув спиной по холодному камню, опустилась на пол. Снаружи перекрикивались мальчишки. Их голоса звучали уже совсем близко. Интересно, что они сделают, если им удастся поймать беглянку? Вероятно, задиры и сами этого не знают.

Южный выход имел форму арки, выложенной прямоугольными камнями. Здание церкви было прочным и древним. Малышка Хасселтайн даже вообразить не могла насколько. Ливви съежилась на громоздкой напольной плите. Судя по виду, за ней запросто могла скрываться узенькая лестничная шахта, уходящая вглубь метров на триста и ведущая к склепу с истлевшими мертвецами. За сотни лет стены церкви повидали бесчисленное количество обрядов венчания и отпевания и выслушали мириады исповедей. Здесь, под пристальными взглядами святых, веками совершались всевозможные таинства.

Голоса мальчишек стихли. Ливви сидела, обняв руками колени и устремив взор в вечерний полумрак алькова. Какое счастье – провести несколько недолгих мгновений в уединении, поскольку дома такой возможности не было. Юной Хасселтайн приходилось ночевать в одном помещении с родителями, хозяйкой дома, которая приходилась матери девочки дальней родственницей, и ее мужем. Хозяйские дети спали внизу, в гостиной. Всего дом вмещал в себя одиннадцать человек – оттого воздух на чердаке всегда стоял густой и влажный.

Глаз Ливви зацепился за причудливый барельеф над выходом – на замковом камне³. На камне была запечатлена человеческая фигура, но какая-то непонятная. Странная. Девочке показалось, будто барельеф внимательно за ней наблюдает. Этот взгляд сильно отличался от безжизненного взора скульптуры Божьей Матери.

Поднявшись на ноги, Ливви провела кончиками пальцев по каменной кладке. Чтобы разглядеть детали получше, смахнула челку с лица. Замковый камень арки выделялся среди остальных цветом и фактурой. Церковь представляла собой грудку тесаных булыжников всевозможных оттенков серого, а портал, остальные выходы и витражные окна обрамлял отполированный камень, напоминавший гранит. Замковый камень южного выхода совершенно не вписывал-

---

³ Замковый камень – клинообразный или пирамидальный элемент кладки в вершине свода или арки.

ся в единый ансамбль. Среди прочих структурных элементов здания он выглядел белой вороной.

Ливви вгляделась внимательнее в черный известняк диковинной продолговатой формы.

Барельеф выглядел несколько абсурдным, неискусно вырезанным и не слишком соответствующим общему облику церкви. Подобная работа могла скорее принадлежать мастеру-самоучке, а не опытному скульптору. Линии казались несуразными и сумбурными. Любознательная девочка сощурилась, и, когда глаза окончательно привыкли к темноте, замысловатые неровности черного известняка сложились в женскую фигуру.

На запечатленной на камне женщине не было одежды – лишь подобие чепчика, что скрывало волосы и уши. Губы ее изгибались в едва уловимой улыбке, пронзительные глаза широко раскрылись, а брови вопросительно приподнялись. Над выпирающими ребрами повисли груди. Колени фигура развела по сторонам, а положение ее рук будто бы призывало созерцателя взглянуть на самую сокровенную часть тела. Эта нагота была непристойной. Даже бессовестной. Рядом с женщиной была выгравирована надпись. Ливви удалось разобрать латинские: «ELUI».

Хасселтайн улыбнулась и вообразила, будто фигура улыбается ей в ответ.

– Эй! – Чей-то голос выдернул Ливви из мечтательного забвения, и она вздрогнула. – Что это ты там делаешь?

Девочка развернулась и встретила глазами с молодым викарием, взиравшим на нее с явным неодобрением. Священнослужитель был облачен в черную сутану с тугим воротником, но раннюю затылочную оставил непокрытой. В руках он держал охапку ссохшихся и покоричневевших хвойных гирлянд, которые, судя по всему, решил снять перед Сретением.

– Я просто... – Воцарившаяся в церкви тишина показала Ливви звенящей.

– Кто ты? – Викарий, щурясь, приблизился к девочке.

– Я...

Ливви до оцепенения боялась разговаривать с незнакомцами. Они с родными переехали в Истторп всего несколько недель назад. Она еще не успела завести друзей, зато подозрений ее семья вызвала предостаточно.

– Ты же... ты – нахлебница, поселившаяся в доме Гуди Редферн, да? – Викарий продолжал медленно продвигаться вперед.

Лицо молодого священнослужителя было испещрено оспенными шрамами, что придавали ему болезненный вид.

– Д-да... – смогла лишь вымолвить испуганная Ливви.

Она непроизвольно отступила на шаг и ударилась пяткой о каменную стену. Сухожилия стопы пронзила резкая боль.

– Вы приехали из Ланкашира, да? – Губы викария чуть перекошились, а взгляд его переменялся. – Совсем недавно?

Ливви судорожно перебирала в голове возможные идеи

побега.

– Д-да... – выдавила девочка. – С горы Пендл Хилл⁴.

Хвойные гирлянды почти беззвучно приземлились у ног викария.

– И кто же твоя матушка, малышка с горы Пендл Хилл?

Служитель сделал еще один шаг в сторону Ливви, давя иссохшие иголки. Нос девочки ужалил резкий запах сосновой смолы.

– Ее зовут Анна. Анна Хасселтайн.

– Не-ет, – неспешно протянул викарий. – Я спросил, *кто* она?

В замешательстве Ливви поджала пальцы ног, желая хоть на толику продвинуться ближе к выходу.

– Она... Она, – заикалась Хасселтайн. – Я...

– Что ты делаешь здесь? – Викарий стоял так близко, что мог с легкостью дотянуться до Ливви рукой.

– Я только...

– Только *что*?

Взгляд Ливви снова поднялся на женщину, выгравированную на черном известняке. Ее руки покоились на коленях, а улыбка будто призывала: «Давай-давай, смотри на меня. Я-то тебя знаю. Знаю даже лучше, чем ты сама».

– Ты омерзительна. – Викарий сказал это таким мягким и дружелюбным тоном, что Ливви было решила, что ослыша-

---

⁴ Гора Пендл Хилл в XVII веке считалась гиблым местом: именно здесь ведьмы собирались на шабаш и проводили свои колдовские ритуалы.

лась.

– Что-что?

– Тебе лучше уйти. – Голос викария снизился до зловещего шепота. – Маленькая сторонница Кромвеля. Жалкого самозванца. Знаешь, я ведь только из Лондона. – Священнослужитель подошел к девочке вплотную – настолько, что она ощутила на щеке его влажное дыхание.

Руки Ливви ныли до сих пор. Тогда, в Пендл Хилл, бедняжку Хасселтайн так долго держали прикованной к позорному столбу, что кости в запястьях терлись друг о дружку как сухая галька.

– О, да... – сверкнул изуродованный оспой глаз викария. – Я видел все. Видел, как останки Кромвеля провезли по улицам, вздернули на виселице и оставили там на день, после чего его отрубленную голову насадили на шестиметровый шест у Вестминстерского дворца. Можешь вообразить эту картину? Голова великого Лорда-протектора с отвисшей челюстью в окружении голодных воронов?

Ливви сантиметр за сантиметром отдалялась от викария и подкрадывалась к выходу. Еще немного, и она сумеет ухватиться за ручку.

– Давай-давай. Убирайся отсюда, – прорычал священнослужитель. – Тебе не место в доме Господнем.

Девочка надавила на ручку, и дверь отворилась. Внутри церкви хлынул вечерний туман, неся с собой овечий запах и морок.

– Это место *никогда* не было Господним домом! И не будет, – пылко бросила Ливви напоследок и шагнула в сумерки.

1

Кембридж. Массачусетс

Начало февраля

2000

– Ух ты! Наше время подходит к концу, – объявила Джанин Сильва, глянув на свои наручные часы Spiro Agnew.

Ясное сознание Конни Гудвин затуманилось мистическим ощущением дежавю.

На протяжении всей ее аспирантской жизни, что длилась ни много ни мало шесть лет, все значимые события происходили именно в этой аудитории. Посвящение в первокурсники. Тогда Конни носила поношенные шлепанцы. Зрелище жуткое, но из песни слов не выкинешь. Научные чтения. Устные экзамены – те самые мучительные часы жизни, память о которых мозг стирает мгновенно из-за пережитого стресса. Все это проходило здесь. Собеседование о приеме на работу с участием докторантов, каждый из которых стремился

задать вопрос позаковыристее, – тоже здесь. А еще кошмарно-бессмысленные праздничные вечера, что Конни посещала по большей части лишь ради закусок после вместе со своей соседкой по комнате Лиз Дауэрс с ямочками на щеках, которая запросто могла прочесть лекцию на средневековой латыни. В этой самой аудитории Конни провела годы заточения, словно Тесей в Лабиринте. Вереница похожих одно на другое событий вокруг одного и того же конференц-стола. А затем привычный мир рухнул. В одночасье. Сколько времени прошло с 1995 года? Пять лет. Так много и в то же время всего ничего.

В аудитории практически ничего не поменялось, если не принимать во внимание пару новых инициалов, нацарапанных шариковой ручкой на растрескавшейся столешнице. Старую потертую доску заслоняла новая – магнитно-маркерная на ножках. Синим еле пишущим фломастером на ней было выведено объявление для студентов последнего курса, которые будут заниматься здесь на следующей неделе – «Бесплатная пицца!». Все тот же неподписанный портрет старца с седыми бакенбардами, что скучающе взирал со стены, осознавая угасание собственной значимости. Неизменное покрытое копотью окно с теми же портьерами, что на данный момент были раздвинуты и собраны по сторонам, дабы позволить слабым прощальным лучам заходящего зимнего солнца проникнуть внутрь. Четыре часа дня, а уже практически стемнело. Февраль в Новой Англии считается самым

лютым месяцем.

Джанин Сильва – глава недавно переименованного комитета по присуждению ученых степеней в области гендерных исследований – сложила руки перед собой, улыбнулась собравшимся и произнесла:

– Думаю, на один вопрос времени хватит. Кто желает оказать честь?

Джанин выжидающе заглянула в глаза каждого из профессоров по очереди. Слева от нее расположился Маркус Хейден – профессор афроамериканской истории и культуры. Сюда из Дартмута его переманил постоянный контракт и, если верить слухам, дом в Бельмонте для него, его жены и четырех (четырех!) детей. Маркус был, как говорится, настоящей суперзвездой. За свою первую (первую!) книгу он получил премию Бэнкфорта⁵, а еще регулярно выступал экспертом на новостных телеканалах. Об этом парне Конни не могла думать без добавочных восклицаний. Премия Бэнкфорта! Единственным недостатком Маркуса, если его можно было таковым назвать, являлось то, что он осознавал собственную «звездность». Когда Конни вошла в аудиторию, Маркус практически не удостоил ее вниманием. К Джанин Хейден относился тепло, но с некоторым снисхождением, как и полагается суперзвезде. Маркус уже убрал со стола записи и, как и профессор Сильва, поглядывал на свои дорогие часы.

---

⁵ Премия Бэнкрофта является одной из самых выдающихся академических наград США в области истории.

На молодом мужчине был удачно скроенный спортивный пиджак и никакого галстука. Для галстуков Маркус слишком хорош. Для профессора Хейдена эта ничем не выдающаяся встреча уже завершилась, и на право задать последний вопрос он явно не претендовал.

Справа от Джанин на спинку библиотечного стула откинулся профессор Гарольд Бомонт. Его веки слипались, а переплетенные пальцы покоились на облаченном в свитер животе. Двадцать один год назад профессор Бомонт опубликовал тысячестраничную монографию, посвященную истории Гражданской войны в США. Труд был издан университетским издательством в твердом переплете и стоил восемьдесят девять долларов, что изначально обрекло его на провал. После заключения постоянного контракта с университетом и по сей день профессор исполнял свои обязанности со спокойным безразличием. Конни сильно сомневалась, что Гарольд Бомонт помнил, как присутствовал на такой же аттестационной комиссии с ее участием. А даже если и помнил, то навряд ли придавал этому хоть малейшее значение. Профессор почивал на лаврах, читая по одному курсу в год для в лучшем случае четырех студентов, каждый из которых обязан был купить его монографию. Вел колонку в журнале *National Review* и принимал участие в телевизионных новостных передачах. Правда, не на тех каналах, что профессор Хейден. Под ладонями Бомонта белели те самые листы с печатным текстом, которые он таскал с собой на каждое

подобное мероприятие, и Конни была практически уверена, что он вот-вот уснет.

За противоположным концом длинного стола сидела виновница «торжества» с широко распахнутыми глазами. Застегнутый на пуговицы пиджак темно-синего цвета сидел на ней заметно нескладно, словно она одолжила его у приятельницы. От аспирантки исходили панические вибрации, которые из всех присутствующих, вероятно, могла уловить одна лишь Конни, ведь ее воспоминания об аттестационной комиссии были еще довольно свежи. Молоденькую кудрявую девушку звали Эсперанса Молина. Для знакомых – просто Зази. Она только что пережила четыре самых длинных часа за всю жизнь. Месяцы зубрежки стоили ей трех килограммов. Сейчас ее состояние напоминало контузию, и она мечтала лишь о том, чтобы поскорее выскочить из аудитории. Зази крепко сжимала ладони, скрестив большие пальцы, словно в молитве. Она умоляюще взглянула на Конни: «Пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы это скорее закончилось».

– Пожалуй, я не откажусь, – вызвалась Конни.

Джанин лучезарно улыбнулась.

– Профессор Гудвин? Конечно. Прошу вас.

– Мисс Молина...

Конни опустила локти на стол и многозначительно глянула на девушку. А точнее, совсем еще девочку. С каждым годом выпускники аспирантуры казались Конни все моложе и

моложе.

— Будете ли вы так любезны изложить для комиссии краткую, но содержательную историю магии в Северной Америке?

На наручных часах Конни тикала секундная стрелка. Тикала так долго, что Конни обратила на нее внимание. Она никогда не играла в теннис, но воображала свой вопрос высоко подброшенным мячом, который Зази должна была с легкостью отбить, что послужило бы блестящей кульминацией ее квалификационного экзамена. Этот вопрос был подарком судьбы, но аспирантка вытаращила глаза так, что Конни практически видела белки вокруг ее зрачков. Что происходит? Может Зази роется в картотеке памяти? Выдвигает ящик за ящиком, но ничего не находит? Хотя и навряд ли она использует картотеку в жизни. Никто из нынешних аспирантов этим не занимается. Что делать, если Зази так и не ответит? Нужно подбросить ей спасательный круг. Дать какую-то подсказку.

Конни окинула взглядом профессоров, прикидывая, как они отреагируют на жест помощи и как это может отразиться на судьбе Зази. Джанин, вероятно, закроет глаза. Может быть. Что насчет Гарольда? Уж ему точно нет никакого дела до происходящего. Правда, старику может взбрести в голову создать студентке проблему просто потому, что это в его власти. В таком случае Конни окажется бессильна. К сожалению, многие профессора находят большее удовольствие в де-

монстрации собственного могущества, нежели в успехе подопечных. Размышляя об этом, Конни глядела прямо на Гарольда, но тот, конечно же, ничего не заметил. Ну а Маркус? Его напряженные губы сжались в тоненькую линию. Проклятье. Он точно не оставит Зази в покое. Ни за что.

Эсперанса расправила плечи, вздернула подбородок и, посмотрев на каждого из членов комиссии по очереди, остановила взгляд на Конни.

– Вы имеете в виду Северо-Восток, Юг или Юго-Запад?

* * *

Аспирантка Гарвардского университета и специалист в области американской истории, претендуя на звание доктора философии, обязана демонстрировать ошеломляющее мастерство оперирования фактами, деталями и аргументами, а также выдвижения личных гипотез. Аттестационная комиссия состояла из подобранных Зази профессоров и являла собой изящный баланс соперничающих наставнических сторон, влияния, силы и самолюбия. По мнению Конни, с подбором аспирантка справилась на «отлично». В комиссию входили две важные персоны, придерживающиеся различных взглядов, тактик и делящие разные сферы влияния. А также молодой суперзвезда и молодая не совсем суперзвезда, чьи убеждения тоже разнились. Как, совершенно очевидно, и сферы влияния. В отличие от Маркуса Конни никогда

не приглашали на новостные каналы. Лишь пару раз просили дать несколько комментариев касательно религии раннего колониального периода американской истории. И слава богу.

Вопрос Конни был стандартным. Таким же «кошмарным», как и все вопросы, что обычно задавала профессор Гудвин на устных экзаменах. Зази следовало всего-то перечислить главные события восемнадцатого и девятнадцатого веков. Разъяснить суть антиномического кризиса отношений политики и религии в европейских колониях. Неужели Зази не может упомянуть о первых образцах керамических сервизов Джозайи Веджвуда и о том, какое влияние они оказали на историю классовой дифференциации в Америке и на модель потребления?

Ужасно. Просто ужасно. До сих пор Конни казалось, что все идет хорошо. Быть может, не великолепно, но все же вполне неплохо. Профессор Гудвин бросила еще один беглый взгляд на Маркуса.

А может, не так уж и неплохо. Хм...

Зази нуждалась в Конни. И не только сейчас, для удобной подачи. Зази поступила в Гарвард, окончив программу Plan II Honors Техасского университета в Остине, чтобы изучать историю колонизации Америки, но помимо этого питала интерес к синкретическим⁶ и народным верованиям Юга и Юго-Запада, в частности худу, вуду и сантерии. Конни

---

⁶ *Религиозный синкретизм* – соединение разнородных вероучений и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в их историческом развитии.

всеми силами старалась отговорить Зази от решения посвящать данной теме диссертацию. С таким портфолио девушке сложновато будет подыскать работу. В описаниях к вакансиям на должности университетских преподавателей после «требуется доктор философии» не встречались строчки: «оккультные знания являются преимуществом».

Собираясь в Кембридж, Зази даже не подумала захватить теплую одежду. В первую же зиму, работая над курсовой, она продрогла и купила себе два свитера. А теперь, умудренная опытом, сидела на аттестационном экзамене, несмотря на то что совсем недавно пережила сильнейшее потрясение. Стивен Габсбург, доцент кафедры истории ранней колониальной Америки и научный руководитель Зази, внезапно решил отказаться от должности. Ходили слухи, будто он вообще собрался покинуть университет по окончании семестра, покончить с научной деятельностью и отправиться жить на яхте в Пуэрто-Рико. Весьма разумно.

Молодой и целеустремленный Габсбург приехал в Гарвард в 1994 году на смену научному руководителю Конни, Мэннингу Чилтону, который был вынужден отойти от преподавательской деятельности в связи с внезапным душевным расстройством. Стивен окончил Делавэрский университет и блестяще защитил диссертацию в Коннектикуте. Он был загружен по самые уши лекциями, семинарами и научным руководством, принимал участие в общественной жизни университета и опубликовал три научные статьи, одну

из которых напечатал журнал American Quarterly. (Подумать только, American Quarterly!) Написав книгу, заключил контракт с надежным университетским издательством и... бабах!

В целом, постыдный уход Стивена никого не удивил. Среди преподавателей исторического факультета Гарварда таких юнцов не числилось аж с 1950-х годов. В Гарвард приглашали «суперзвезд» из равных по статусу учебных заведений. То есть лучших из лучших. И Маркус Хейден – наглядный тому пример. Однако Зази была не в курсе таких тонкостей.

Как-то ноябрьским вечером Конни сидела в своем кабинете Северо-Восточного университета перед стопкой из пятидесяти «голубых тетрадей» с ответами на внутрисеместровый тест, посвященный 1580–1860 годам. Прошло уже две недели, а профессор все никак не могла огласить студентам выпускного курса результаты. Конни потягивала уже четвертую кружку с кофе, постукивая карандашом по лбу, как вдруг зазвонил телефон.

Это была Джанин Сильва.

– Она подавлена... – Мягкий тон Джанин напомнил Конни о ее личной потере.

Она тогда только начинала работать над диссертацией, и на выручку пришла именно Джанин. На заднем плане отчетливо слышались всхлипы и рыдания.

– Неужели Стивен не может подождать до ее экзамена? –

возмутилась Конни.

Поднялся ветер, и сухие листья на клене задребезжали по окну, как расшатанные зубы.

– Он уже уплыл.

– И его некому подменить? Никого из религиоведения?

Конни потерла лоб и зажала бровь большим и указательным пальцами.

– Я не прошу вас становиться ее научным руководителем, – отметила Джанин.

Подоконный радиатор ожил и заурчал. Джанин не стала добавлять: «Как в свое время поступила ради вас я».

– Лишь третьим рецензентом. Максимум вторым.

– А как насчет Томаса? Он же сейчас читает лекции?

Нельзя поручить ему и это?

Томас Резерфорд был диссертантом Конни. Сейчас он работал в Гарварде на ставке постдока. Томас всегда был и оставался долговязым, бледнолицым молодым человеком, отличавшимся особым усердием и тягой к знаниям. Конни периодически виделась с ним во время обеденного перерыва.

– Вы же знаете, это мало поможет ей в последующем трудоустройстве, – возразила Джанин. – Девушке нужны профессорские рекомендации.

– Но... – Конни взяла карандаш и вдавила в него ноготь большого пальца, оставив на дереве серповидный отпечаток.

Она не могла сказать Джанин, что в этом году у нее дел

невпроворот. Сейчас ее основной целью являлось заключение постоянного контракта с университетом. У Конни были свои аспиранты, и она занималась кураторством вдвое больше коллеги (конечно же, мужчины) с таким же стажем. Еще предстояло закончить книгу. Ко всему прочему у Конни имелась и личная жизнь (ха-ха). Она не могла позволить себе взять под крыло осиротевшую аспирантку из другого учебного заведения. Это бы ничем не помогло последней, а лишь украло бы драгоценное время.

Всхлипывания на другом конце провода стали громче, и Джанин, прикрыв ладонью трубку, произнесла:

– Возьмите, дорогая.

Вероятно, в этот момент профессор Сильва передала Зази пачку салфеток. Один из первых уроков для начинающего преподавателя: салфетки следует всегда держать под рукой. Они пригодятся, когда грянет черед умирающих бабушек, рушащих карьеры четверок с плюсами и припертых к стенке плагиаторов, ощутивших внезапный приступ раскаяния.

Конни в отчаянии опустила лоб на столешницу и уставилась на свою клетчатую юбку. Чуть выше колена моль проделала в ней крошечную дырочку.

– Ладно, – выдавила наконец она.

– Превосходно, – ответила Джанин. – Я передам это Эсперансе. И то, что вы будете ее оппонентом на аспирантской исторической конференции.

Конни положила трубку, не поднимая головы.

– Я тоже хочу жить на яхте, – простонала она в пустоту.

* * *

– ... это послужило одной из причин, почему католицизм настолько изящно вобрал в себя обычаи и обряды множества культур, – договорила Зази.

Конни ущипнула себя за руку, чтобы сосредоточиться на ответе. День выдался длинным. Если честно, длинной была вся неделя. Что сегодня? Пятница? Уже пятница. По крайней мере, можно писать все выходные. Если не возникнет неожиданных планов. А вот это уже неизвестно...

– Мисс Молина, могли бы вы привести конкретный пример, подтверждающий ваше высказывание? А не расплывчатое обобщение. – Похоже, Маркуса ответ Зази не слишком-то впечатлил.

Аспирантка коротко улыбнулась и глянула на Конни. Ее темные глаза казались взволнованными. Конни легонько кивнула подопечной, и та, разведя в стороны большие пальцы, ответила:

– Хорошо. Допустим, вуду Луизианы. Существует достаточно примеров перенесения качеств объектов поклонения вуду на образы католических святых. Вместо ожидаемого противопоставления, исследователи проводят параллели и отмечают очевидное сходство идей. Взять, к примеру, фигу-

ру Папы Легбы. Данный лоа⁷ вуду считается стражем врат между миром духов и миром людей. Играет роль связующего звена. Во взаимодействии с духами Папа Легба выступает доверенным лицом человеческого рода, но в то же время люди ему молятся и поклоняются. В христианстве подобную посредническую роль выполняет один из двенадцати апостолов – святой Петр. Он был той «скалой», на которой Христос обещал «воздвигнуть свою церковь». Петр занимает место на пути между божественным Иисусом и человеком. По сути, мы наблюдаем ту же самую картину.

– И что это говорит нам о колдовстве? – опередила Конни Маркуса, чтобы тот не успел завести обсуждение в непроходимые дебри.

Суперзвезды, как правило, нетерпимо относятся к посредственным эрудитам.

– Что ж, – ответила Зази. – Я полагаю, «колдовство» – это некий обобщенный термин, охватывающий множество народных верований, позволяющих людям, в частности женщинам и темнокожим народностям, объяснять непонятные им вещи и создавать иллюзию контроля над неподвластными им процессами.

В голове Конни зародилась шальная мыслишка. Ответ Зази ее удовлетворил. Аспирантка, без сомнений, сдаст, Конни наверняка это знала. Сидящие за столом профессора – тоже.

---

⁷ Лоа – в религии вуду невидимые духи, осуществляющие посредничество между Богом и человеком.

Вероятно, подозревала об этом и сама Зази. Конни вдруг захотелось пощекотать девушке нервишки. Слегка.

– Ну и последний вопрос, – сказала она, проводя ручкой по костяшкам пальцев и дружелюбно улыбаясь сидящей напротив аспирантке.

Зази ответила на улыбку, однако с осторожностью. Конни чувствовала, что нервы девушки на пределе. Ничего страшного. Терпеть осталось каких-то несколько минут.

– Да, профессор Гудвин? – В предвкушении окончания пытки голос аспирантки звучал вежливо и радостно.

– Как вы считаете, ведьмы и впрямь существовали? – спросила профессор.

Нависла точно такая же тишина, как и практически десятилетие назад, когда Мэннинг Чилтон задал аналогичный вопрос на таком же экзамене аспирантке Конни Гудвин.

Джанин громко ахнула, а Маркус пробормотал:

– Извольте шутить, профессор?

Гарольд даже не проснулся. Конни откинулась на спинку стула, сложив руки на груди и улыбаясь уголком рта.

– Нет, – недолго думая ответила Зази.

Лицо аспирантки озаряла улыбка.

– Превосходно! – заключила Конни.

Джанин рассмеялась, прикрыв рот рукой с дорогими ча-сами.

– Хорошо, – заключила профессор Сильва, стараясь подавить смех. – Профессор Хейден?

Маркус кивнул с видом человека, готового уйти домой.

– Профессор Бомонт?

Гарольд вздрогнул и проснулся, тихонько хрюкнув.

– Да-да, вопросов не имею.

– Эсперанса, позвольте нам несколько минут посоветоваться, – обратилась Джанин к Зази.

Аспирантка поднялась со стула. Ее глаза триумфально сияли. Интересно, когда Конни покидала эту аудиторию, чтобы дожидаться вердикта членов комиссии, она выглядела так же? Возможно. После столь оглушительной победы над Маркусом Конни просто обязана была пригласить Зази в паб «У Абнера», чтобы отметить это радостное событие. Так в свое время поступила Джанин. Профессор Хейден несомненно продолжил бы изводить Зази допросом. Дело не в том, что он стремился «завалить» аспирантку, просто суперзвезда считал своей обязанностью избавить комиссию от выслушивания заезженных штампов.

С лица Конни не сходила лучезарная улыбка. Победа Зази доставила профессору еще большее удовольствие, нежели ее собственная.

Конни глянула на часы – четверть шестого. Уже! А ведь она обещала вернуться сегодня домой пораньше.

Ладно, всего по одному коктейлю. Это не отнимет много времени. По крайней мере, Конни на это надеялась.

– Проклятье, – буркнула Конни, наклоняясь во тьме за выпавшими ключами.

По Массачусетс-авеню прокатилась волна холодного ветра и всколыхнула подол клетчатой юбки профессора, обдувая ноги. Конни вытянула руку назад и прижала ткань к бедрам, чтобы не будоражить воображение бездомного, что растянулся на пороге йога-студии через дорогу. Куда же запропастились чертовы ключи? Пальцы Конни практически онемели. Если она не отыщет ключи, придется нажать на кнопку звонка.

Делать это профессор определенно не хотела.

Три старшекурсницы весело ковыляли по брусчатке, то и дело застревая в ней тонкими шпильками. От холода кожа на их ногах побелела. На девушках поблескивали коротенькие платица, поверх которых были накинuty легкие плащи, явно не по погоде. Вероятно, подружки расходились по домам после клуба. Захмелевшие, шумные и счастливые. Одна девица пошатнулась и рухнула в сугроб, а две другие помогли ей подняться, заливаясь громким хохотом. Конни ощутила легкую зависть. Учась на последних курсах колледжа Маунт-Холиоk, она не разгуливала с голыми ногами и не излучала такую уверенность.

Нащупав связку ключей, Конни ухватилась за самый

крупный – старинный железный ключ с длинным полым стержнем, который обнаружила много лет назад в Библии. Толку от находки не было никакого, но Конни нравился этот ключ. Она использовала его вместо брелока и своего рода талисмана. Старинная штукавина служила напоминанием о том, что тайна может скрываться в самых обычных вещах, надо лишь получше к ним приглядеться.

Конни выпрямилась, провела пальцем по древнему изделю и лишь после этого отыскиала ключ от входной двери «зеленого монстра» – так она окрестила облезший приземистый многоквартирный дом, где проживала. Строение располагалось неподалеку от самой оживленной части Гарвардского парка. Некогда «монстр» являл собой величественный объект культурного наследия эпохи «позолоченного века» с характерной для нее лепниной, витыми дубовыми перилами и облицованными мрамором каминами. Когда же эпоха «позолоченного века» подошла к концу и плавно перетекла в девятнадцатое столетие, владелец дома смекнул, что от архитектурного памятника будет куда больше проку, если перепланировать его под небольшие апартаменты и сдавать их в аренду студентам и туристам. Дом включал в себя три этажа, на каждом из которых располагалось по три-четыре квартирки. Конни поднялась по пыльным ступеням под приглушенные звуки кошачьего мяуканья. В дальнем конце коридора проживала спонсируемая родителями девушка-панк. Она периодически снималась для тату-журналов, но боль-

шую часть времени просто курила марихуану, запах которой Конни ощущала даже на своей кухне. В одной из студий верхнего этажа поселился пьющий отец-одиночка, а в другой – аспиранты МТИ, которые предпочитали не попадаться на глаза соседям и делили одну спальню на троих. То, что некогда было каретным сараем, в 1920-е годы трансформировалось в автомастерскую, а на месте бывшего сада расположилась парковка. Своим прозвищем дом был обязан облупившейся краске, чей оттенок ассоциировался со знаменитой одноименной высокой стеной бейсбольного поля Фенуэй Парк, крадущей хоум-раны⁸.

Конни проживала на втором, парадном этаже здания. Его выступающие окна выходили на Массачусетс-авеню и упрямый еле живой розовый куст. С одной стороны, парадные залы позволяли наслаждаться высокими потолками и изящными каминами, а с другой – заставляли терпеть уличный шум и копошение мышей. Как правило, по утрам Конни будила болтовня автомехаников, доносившаяся из-за окна с надтреснувшей рамой, либо тянувшийся из кухни аромат свежесваренного кофе.

Она вставила ключ в замочную скважину – тихонько, дабы не потревожить сон соседей. Раздался щелчок, и Конни нырнула в мрачную гостиную, бросила забитую работами аспирантов сумку на пол и закрыла за собой дверь. Не прошло и секунды, как к лодыжкам Конни прикоснулись шер-

---

⁸ *Хоум-ран* – разновидность игровой ситуации в бейсболе.

стояные лапы, а ноги защекотали мягкие усы. Этого соседа не проведешь.

– Привет, Арло, – прошептала она, наклонилась к прыгающему от радости питомцу и приподняла его. Пес оперся лапами о плечи хозяйки и принялся лизать ее щеки. – У меня проблемы, да? – спросила Конни небольшого песика.

Тот шлепнул ее хвостом по бедру.

– Ох-ох-ох...

Темное помещение освещалось тусклым свечением синих и оранжевых уличных огней. Конни разглядела на журнальном столике пару пивных бутылок. Там же стоял и раскрытый ноутбук, переведенный в спящий режим. На спинку диванакинута клетчатая рубашка – признаки ожидания, окончившегося разочарованием.

Конни на цыпочках, с Арло под мышкой, прокралась мимо двери спальни. Та была отворена. Внутри – темнота. В самый неподходящий момент половица под ногой предательски закрипела, и Конни замерла.

Послышался шорох простыней, к счастью, быстро сменившийся тихим храпом. Конни продолжила пробираться к кухне, расположенной в дальней части жилища.

Добравшись до места назначения, Конни включила свет, опустила Арло на пол и направилась к холодильнику. Она умирала от голода.

В пабе они с Зази разделили на двоих порцию начос под сырным соусом. Молодая аспирантка, уроженка Техаса,

громко насмехалась над пародией на настоящие кукурузные чипсы. И тем не менее закуска была с удовольствием съедена до последнего кусочка. Пусть и отвратительно, зато как сытно! И вот, спустя короткое время... ладно, может, и не слишком короткое... Конни снова готова слопать слона!

Ладонь профессора опустилась на ручку холодильника, а взгляд – на закрепленный на дверце магнитно-маркерный планшет, помогающий вести учет расходов на хозяйственные нужды и не забывать оплачивать ежемесячные счета. Конни обратила внимание на свежую надпись. Зажав конец косы между носом и верхней губой, она прочитала:

«Звонила Грейс. Просила перезвонить как можно скорее. Даже если поздно».

И чуть ниже заглавными буквами:

«ЕЩЕ ГРЕЙС СЧИТАЕТ, ЧТО ТЕБЕ НЕ ПОМЕШАЛО БЫ КУПИТЬ ТЕЛЕФОН».

– Ты видел это, приятель? – Конни огляделась в поисках Арло, но тот уже куда-то исчез.

В холодильнике нашлись хлеб, майонез, немного горчицы и тонко нарезанная ветчина, которая вроде была еще ничего. Конни отыскала возле раковины чистую тарелку и принялась собирать бутерброд.

Она сильно сомневалась, что мама хочет сказать ей что-то действительно важное и срочное. Как-то Грейс Гудвин набирала номер дочери шесть раз подряд, настойчиво оставляя голосовые сообщения. Конни не на шутку беспокои-

лась и перезвонила матери на пятнадцатиминутном перерыве между занятиями, чтобы выяснить, что же такое стряслось. Оказалось, у мамы погибли помидоры и она попросту сильно расстроилась.

– Помидоры? – изумилась тогда Конни. – Боже, мама! Помидоры?

– Негибридный сорт! – невозмутимо ответила Грейс, словно это оправдывало поднятый ею переполох.

Грейс растила Конни в одиночку в одном из захудалых фермерских домов Конкорда, в духе анархо-синдикализма⁹. Конни не была уверена, что мать знакома с данным термином, но это и не важно. Когда дочь повзрослела, Грейс, повинаясь зову сердца, отправилась в административный центр Нью-Мексико – в город Санта-Фе. Там она чистила ауру, выращивала суккуленты и активно возмущалась, что Конни не желает познавать себя. Несколько лет подряд мать и дочь обменивались короткими фразами по телефону. Точнее, Конни высказывалась кратко, а Грейс могла часами рассуждать на возвышенные темы, которые мало интересовали ее образованную дочь-рационалистку. Позже, после того самого кошмарного лета, когда Мэннинг Чилтон разрушил все планы Конни, Грейс внезапно смотала удочки и переселилась на Восток. Сейчас она проживала на Северном побережье Мас-

---

⁹ *Анархо-синдикализм* – направление в анархизме, в основе которого лежит идея о том, что только революционные организации трудящихся, базирующиеся на принципах взаимопомощи и коллективного самоуправления, должны и могут способствовать построению нового, действительно справедливого общества.

сачусетса в доме своего детства, откуда до Кембриджа было около часа езды. Близко, но как будто бы и далеко.

Конни утопила лезвие ножа в бутерброде, аккуратно разрезая его на две половины. По-видимому, пора наведаться к Грейс с визитом.

Стена, отделявшая кухню от спальни, была отделана старой штукатуркой с добавлением конского волоса для прочности. Она потемнела и пошла буграми, ведь ремонта этот дом не видел уже долгие годы. Там, за обшарпанной перегородкой, спал разочарованным сном еще один обитатель этого скромного жилья.

Да, завтра определенно нужно навестить Грейс.

Конни откусила бутерброд и принялась пережевывать. От вкуса мяса во рту на нее накатила приступ отвращения, она метнулась к раковине и выплюнула его. Открыв кран, Конни подставила разомкнутые губы под струю. Вода была приятной, охлажденной в замерзших трубах. Интересно, как там Грейс в своем старинном доме? Доме, построенном задолго до открытия электрического тока и изобретения водопровода. Проведенный там водопровод был сравним с внезапно отросшей третьей рукой у человека – непрошенный, озадачивающий, вроде бы полезный, но какой-то чужеродный. Временами создавалось впечатление, будто дом пытался отторгнуть благо цивилизации, словно занозу.

Да. Конни обязательно навестит Грейс. На этих выходных. Она выбросила объедки в мусорное ведро и покинула кух-

ню. Добравшись до погруженной во мрак и тишину спальни, Конни стянула блузку и сбросила на пол юбку. Поднимет ее завтра. Сейчас она слишком измотана. После сегодняшнего экзамена, тревожных мыслей о книге и известия о звонке Грейс у Конни гудела голова.

– Как все прошло? – спросил заспанный мужской голос, как только Конни нырнула под одеяло.

– Я думала, ты спишь, – пробормотала она тихонько.

Сэм Хартли был верхолазом, который буквально спустился в жизнь аспирантки Конни на страховочном канате, привязанном к стропилу реставрируемой молельни. Ее жизнь поделилась на две части: «до» Сэма и «после». Сэм придумывал для Конни смешные прозвища, рассказывал глупые шуточки и отбирал у нее одеяло. Очень много времени Сэм проводил в ожидании. В ожидании, когда закроется библиотека и отпустит уставшую и загруженную раздумьями Конни домой. В ожидании окончания промежуточной аттестации. В ожидании, когда она допишет книгу... Конни нравилось возвращаться туда, где ее ждали. В свою тихую гавань. В некотором смысле, Сэм был для нее целым миром – целой вселенной воспоминаний и эмоций, заключенной в оболочку уставшего от жизни бывшего панка тридцати с лишним лет, который пытался выпросить в Salem Five Cents Bank небольшой кредит, дабы купить очередной грузовик и нанять нескольких такелажников. Вселенная Конни зевнула и потянулась.

– Я и спал, – ответил Сэм. – Или вроде того. Сколько сейчас времени?

– Уже поздно, – вздохнула Конни, медленно подползая ближе к нему.

Ей удавалось разглядеть лишь очертания его носа, ровного и красивого, несмотря на давний перелом. Короткие волосы растрепались во время сна и торчали во все стороны. Иногда Конни тосковала по временам, когда они были длинными.

– Она сдала? – поинтересовался Сэм усталым голосом.

– Да, и блестяще.

Конни нащупала на заросшей волосами груди Сэма место под ключицей, где грудные мышцы образовывали выпуклость и, разместив на нем щеку, обвила рукой талию любимого. Однако грудь его осталась напряженной. Как и подбородок. Напряжение ощущалось во всем теле мужчины.

– Сэм? – мягко обратилась к нему Конни. К сожалению, его лица она не видела.

Внутри стены что-то зашуршало – наверное, мышь.

– Могла бы и позвонить, – наконец ответил Сэм.

Желудок Конни скрутило от мерзкого сочетания несвежего бутерброда, начос и чувства вины.

– Я просто не...

– Ты никогда не предупреждаешь.

Две опустошенные пивные бутылки подсказывали, что Сэм ждал очень долго. Часа три как минимум.

Конни села. Сэм откинулся на подушки, прислоненные к изголовью кровати.

– Это – моя работа, – ответила Конни.

В мыслях это оправдание казалось ей весьма убедительным, но при произнесении вслух обретало довольно жалкую форму.

– Я знаю. – Сэм с досадой опустил руки на одеяло.

Конни захотелось дотронуться до него.

– Вышло дольше, чем я рассчитывала.

– Как и всегда, – отметил он.

Не зло. Просто констатируя факт.

– Я не могла... У меня не было возможности позвонить. Я не заходила в кабинет.

– Будь у тебя мобильный, таких проблем бы не возникало, – произнес Сэм тоном человека, у которого заканчивались аргументы.

Конни не знала, что еще сказать. Разумеется, она понимала его обеспокоенность. Три часа задержки – это весьма прилично. Но работа для нее была первостепенна. И как Сэм не сознает, что огромная часть преподавательской деятельности выходит за рамки привычного словосочетания «рабочие обязанности»?

Сэм ждал, не сводя с Конни глаз. Он избавился от кольца в носу уже много лет назад. Без него и с короткой стрижкой Сэм выглядел старше. Остепенившимся и измотанным жизнью. Морщины вокруг карих глаз становились все глубже.

Он уже был мужчиной, а не молодым парнишкой, пусть и с этнической татуировкой на плече.

И Конни этого мужчину разочаровывала.

– Ну, мы вроде как ничего особенного не планировали... – Конни понимала, что оправдание звучало так себе.

– Это не важно, – парировал Сэм.

Даже на этот раз он не разозлился, а был спокоен. Пугающе спокоен.

– Так в чем же дело? – Конни повысила голос чуть больше, чем хотела. – Ты ведь знаешь, я не могу поступать так, как мне хочется. Мне приходится поддерживать хорошие отношения со старшими по рангу. И идти на уступки, когда меня об этом просят. Джанин или Гарольд могут написать что угодно в моем портфолио. Оценивается каждый мой шаг! – Она нервно сжала в пальцах простыню.

Сэм закрыл глаза.

– Да, знаю, Корнелл¹⁰, – устало прохрипел он.

Это было одним из прозвищ Конни, их старой шуткой. Сэм называл так возлюбленную, когда она становилась до невозможности важной и занудной. Правда, такое случалось практически каждый день.

– Думаю, мне просто хочется...

Речь Сэма прервали звуки шаркающих по полу лап готовящегося отойти ко сну питомца.

---

¹⁰ *Корнеллский университет* – один из крупнейших и известнейших университетов США.

– Хочется чего? – спросила Конни, боясь услышать ответ.

Сэм выжидающе на нее посмотрел, а затем сполз под одеяло и отвернулся.

– Да ничего, – буркнул он.

Конни продолжала сидеть. И что же Сэм хотел предложить? В его профессии все было предельно просто. На работе он скоблил и перекрашивал шпили, а приходя домой, обо всем забывал. Для Конни же работа не прекращалась никогда. Она постоянно думала – то об организации учебного процесса, то о маячащих на горизонте дедлайнах, то о статьях для научных журналов, то о написании книги. Проклятой книги, что нависла над ней Дамокловым мечом.

– Сэм? – Конни старалась не выдавать испуга.

– Мне вставать через пять часов, – проворчал тот в подушку.

Конни осторожно улеглась рядом. Ее переплетенные пальцы покоились на животе, а взгляд буравил потолок. Вскоре дыхание Сэма стало тихим и размеренным. На полу посапывал Арло. Тени комнаты сначала сгустились, а затем чуть рассеялись и посерели. А Конни долго разглядывала ионики¹¹ и лишь перед самым рассветом наконец погрузилась в беспокойный сон.

---

¹¹ *Ионики* (в архитектуре) – орнамент из яйцеобразных форм, обычно отделенных друг от друга острыми стрелками или продолговатыми подобиями листочков, имеющих форму, заимствованную из водяной флоры.

3

Марблхед. Массачусетс

Начало февраля

2000

Конни свернула на мощеную улочку маленького городишка Наант, и ее «вольво» протестующе задребезжал. Снизив скорость, она переключилась на пониженную передачу, и утомленный автомобиль продолжил путь вопреки своему желанию. За последние несколько лет корпус старенького седана, словно сыпью, покрылся ржавыми пятнами, а кондиционер окончательно издох еще летом. Глядишь, вскоре Конни придется катить машину, отталкиваясь ногами от земли, прямо как мультяшному персонажу Фреду Флинтстоуну. Конечно, Конни осознавала, что от ее автомобиля проку мало. Он находился на ремонте практически постоянно. А надо сказать, обслуживание «вольво» здорово било по карману. Радовало лишь, что до автомастерской было рукой по-

дать. К тому же нескончаемый ремонт избавлял владелицу от ожесточенной ежедневной борьбы за парковочные места Гарвардского парка. Как правило, «вольво» был припаркован на эстакаде в сервисе.

На заднем сиденье кто-то тихонько заскулил, и Конни перевела взгляд на зеркало заднего вида. С губы Арло свисала тонкая струйка слюны, что на фоне его пестрого окраса казалась зеленоватой.

– Потерпи чуть-чуть, мой сладкий. Осталось немного, – успокоила хозяйка любимого питомца.

Пес стоически причмокнул и, потянувшись носом к приопущенному окну, с наслаждением вдохнул свежий океанский бриз.

«Вольво» непрестанно покачивался, следуя вдоль неровной прибрежной дороги. Справа под покровом туч раскатывались размеренные волны серо-стального зимнего океана, который дышал на берег, словно пребывающее в спячке животное. Конни слегка приоткрыла и свое окно. Воздух был солоноватым, немного терпким и холодным. Судя по низко нависающим тучам, в любую секунду повалит снег.

Конни слышала будильник Сэма, который прозвенел ни свет ни заря – в пять утра, но лишь накрылась одеялом с головой и в ту же секунду провалилась обратно в сон. Сегодня же суббота, а значит, занятий нет.

Проснувшись несколькими часами позже, она не учуяла

аромата кофе и не обнаружила ни одной записки, отчего ее желудок скрутился в узел.

Глянув на запись, извещавшую о звонке Грейс, которая советовала дочери обзавестись мобильным, Конни обратилась к путающемуся в ее ногах созданию:

– Почему бы нам не поехать прямо сейчас?

Она набросала на планшете послание, где объясняла, куда отправилась, и пририсовала рядом пронзенное стрелой сердечко. Затем, собрав в охапку Арло и сумку с работами аспирантов, вышла за дверь.

Конни не виделась с Грейс с самого Рождества. Для матери это было длинным периодом пребывания на берегу океана в одиночестве. Без пробок до Марблхеда можно добраться за час, но для Большого Бостона такая удача – редкость. Тем не менее зимним субботним днем дела с загруженностью на дорогах обстояли весьма неплохо. Конни оказалась в Свампскотте уже через сорок пять минут после того, как завела изможденный двигатель «вольво».

Почему Сэм не может... или не хочет понять, какой напряженной жизнью она живет? А ведь пока Конни писала диссертацию в аспирантуре, он терпимо относился к ее постоянной занятости. Она тогда расшатала свои биоритмы в пух и прах. Бывало, ложилась лишь в девять утра и спала до трех дня. Когда Конни находилась в поиске работы, Сэм поддерживал ее и даже не думал жаловаться. Даже составил ей компанию в поездке на ежегодную конференцию, проводи-

мую Американской исторической ассоциацией в Нью-Йорке – городе, что вызывал приступ тошноты как у Конни, так и у Сэма. Он ждал в баре отеля Хилтон, пока Конни пройдет первое собеседование, которое пришлось проводить в номере, сидя прямо на кроватях. Конечно, ей тогда отказали. Как чаще всего и случается в начале карьеры.

Сэм, не колеблясь, заявил, что где бы Конни ни нашла работу, он поедет с ней. Не жаловался, когда она выбрала для жизни «зеленого монстра» лишь потому, что тот располагался в непосредственной близости от гарвардской мемориальной библиотеки Уайденера. Для Конни это было важно, ведь сейчас она переводила свою диссертацию в формат книги. Сэму же это сулило одни неудобства. Большинство его клиентов проживали в часе езды от Кембриджа – на Северном побережье.

Конни сильнее вцепилась в руль, поскольку «вольво» покатился вниз с невысокой горы, минуя кучу поросших плющом вершей для ловли омаров. На горизонте уже маячил Марблхед.

Арло выглянул в окно, опершись на него лапами, и гавкнул.

Они проехали по тихому городскому центру – мимо китайской забегаловки, салона видеопроката и кафе-мороженого. На электронном табло банка отображалась температура: «4 °C». Не заоченеешь, но довольно холодно. Холодно и влажно. По ощущениям даже холоднее, чем в морозные дни.

Сэм разозлился, что Конни не позвонила. Его можно понять. И все же это больше походило на прикрытие какой-то настоящей причины. И Конни знала эту причину. Просто не хотела признавать.

Она включила поворотник, и «вольво» свернул на узкую гравийную дорожку, именуемую Милк-стрит, по бокам которой располагались дома, что мало изменились за последние четыре сотни лет.

Милк-стрит извивалась, уводя «вольво» все дальше вглубь полуострова. Застройка становилась все менее плотной. Дорога внезапно оборвалась и перетекла в еще более узкую тропу, усыпанную по обеим сторонам старыми устричными раковинами. В это время года лес был серым, устланным прошлогодней опавшей листвой и сухими ветками.

«Вольво» остановился в месте, которое любому другому человеку показалось бы обычной опушкой леса, заросшего ольхой, ясенем и вроде бы американским вязом. Конни положила руки на руль и вгляделась в запотевшее от дыхания окно, стараясь различить среди зарослей дом бабушки. Кованые ворота, увитые ветвями, удалось разглядеть лишь спустя пару минут. Над коричневым куполом из запутанных голых лоз виднелись очертания невероятно старого дымохода.

– Приехали, – сказала Конни, выбираясь из авто.

Арло соскочил с заднего сиденья и уже спустя мгновение обнюхивал ворота, размахивая хвостом. Дверь автомобиля захлопнулась, издав ржавый скрип. Конни перекинула сумку

через плечо, сунула руки в карманы джинсов и направилась к дому бабушки.

Последние годы в этой отшельнической резиденции проживала Грейс, однако перед ней до самой смерти тут жила ее мать, София, и Конни с детства привыкла называть хижину на Милк-стрит бабушкиным домом. Грейс выросла здесь, но, когда Конни была маленькой, они редко выбирались из конкордской коммуны в это захолустье Новой Англии. Должно быть, между Грейс и Софией возникали недопонимания, как происходит сейчас с Грейс и Конни. Конни и не узнала бы, что дом до сих пор находится в их собственности, если бы Грейс не попросила ее выставить его на продажу тем самым летом. Летом, когда Конни повстречала Сэма и потеряла научного руководителя. Летом, когда ее жизнь поделилась на «до» и «после».

Оглядываясь назад, Конни назвала бы то лето «летом странностей». С того момента, когда ее жизнь переменялась, как по щелчку, прошло уже десять лет. Во все это было трудно поверить. И еще сложнее объяснить. Когда все устаканилось, Конни вернулась к тому, что называется «нормальной жизнью». Как раз в этот период – период усердной работы, дружбы с Лиз, Кембриджа и паба «У Абнера» – она познакомилась с Сэмом. Его забота, удивительные карие глаза и ночи близости являлись доказательствами того, что случившееся летом 1991 года произошло по-настоящему. Если бы не присутствие Сэма рядом, Конни бы притворилась, что то-

гда она испытывала галлюцинации, вызванные тяжелым потрясением и гипоксией.

Когда осенью 1991 года Конни благополучно вернулась в Кембридж, чтобы продолжить учебу в аспирантуре и дописывать диссертацию, Грейс резко передумала продавать бабушкин дом. Собрав свои травы, книги о рейки¹² и целебных кристаллах, она покинула Санта-Фе и направилась в семейное имение. Отмыв окна от грязи, мать засеяла сад цветами и чудесно зажила в месте, способном очистить чакры и карму любого. На самом деле оказалось, что любителей подобной жизни куда больше, чем Конни предполагала.

Арло пробрался сквозь прутья изгороди, и Конни услышала женский голос:

– Ах, кто это у нас здесь такой! А хозяйку с собой привел? Конни взялась за ржавую задвижку.

– Привет, мама!

Сад за живой изгородью хоть и пребывал в зимней спячке, выглядел весьма ухоженно. Извилистая тропка, выложенная каменными плитами, вела до двери дома. По обе ее стороны высились посеревшие от холода кустики шалфея, тимьяна, розмарина и лаванды. Вместо зеленой травы из земли торчали стебли многолетних растений и разлагающиеся останки однолетних. Стебли спаржи шелестели на ветру, а вдалеке, у самого дома, ждали наступления весны засохшая помидорная ботва, корявые корни белладонны, белены и гвоз-

---

¹² Вид нетрадиционной восточной медицины.

дик. Над головой переплетались виноградные лозы, затеняя территорию сада. Странно, но воздух внутри был не таким ледяным, как снаружи.

Под ольхой, в очках для чтения, огромных ботинках LL Bean и шерстяном пончо, стояла на цыпочках Грейс Гудвин и тянулась к птичьей клетке, чтобы заложить в нее корм.

– Здравствуй, дорогая! – воскликнула она, закрепила кормушку на прутьях клетки, обтерла ладони о джинсы и через ряды стеблей направилась к каменной тропке. – Как доехала? Ужасно, наверное?

Конни двинулась к Грейс через сонный сад и заключила ее в неловкие объятия.

– Да нет, вполне неплохо, – ответила она матери, вдыхая запах детской присыпки, лаванды и пачули.

Мать неожиданно для Конни напряглась, и та, смутившись, отстранилась.

Грейс заглянула в глаза дочери. Что-то странное было в этом взгляде, но Конни не могла понять что именно. Неужели обиделась, что дочь так долго ее не навещала? Но ведь мама знает о ее загруженности. И в конце концов, важно то, что на данный момент она здесь. Приветливая улыбка Конни сменилась неуверенной. Грейс взяла Конни за руки, развела их по сторонам и принялась с любопытством разглядывать с ног до головы, словно оценивала, хорошо ли на ней сидит новая школьная форма.

– Что такое? – недоумевая, спросила Конни.

Грейс опустила руки дочери и взяла ее лицо в ладони. Глаза матери были такими же бледно-голубыми, как и у Конни, а зимой, казалось, светлели еще сильнее, как и все вокруг.

– Просто я так рада, что ты приехала, – ответила Грейс, но какие-то нотки в ее голосе подсказывали, что она лукавит.

– Ясно...

Конни никогда не удавалось добиться от Грейс прямого ответа. Все, что та говорила, окутывала пелена недосказанности.

– Пойдем в дом, – предложила мать. – Тебе нужно согреться.

– А сейчас нам предложат какой-нибудь травяной отвар, – бросила Конни Арло, который плелся за хозяйкой.

– Только тебе. Не собаке, – поправила Грейс.

Над входом висела ржавая подкова, зато саму дверь перекрасили всего несколько месяцев назад. Черная глянцевая краска подчеркивала неровности древних досок и блестела на выпирающих шляпках гвоздей.

Конни и Грейс вошли в тесную прихожую и по привычке потопали по ковру, хотя снега на ботинках не было. Разувшись, женщины остались в одних носках. Свои полосатые носки Грейс связала сама. Как, к слову, и носки дочери.

– Присаживайся пока. – Грейс махнула в сторону гостиной, что располагалась слева от прихожей. В камине дотлевали угли, а в воздухе витал запах яблони.

– Давай, помогу, – предложила Конни, поворачивая за ма-

терью направо – на мрачную кухню.

– Нет-нет! Иди присядь, – запротестовала Грейс и заторопилась вглубь помещения.

В гостиной все было точно так же, как и тем летом, что Конни провела здесь. Вероятнее всего, в ней ничего не менялось последние лет пятьдесят. Бабушкин стол в стиле чиппендейл, за которым Конни начинала писать диссертацию, стоял у стены. Теперь на нем лежали вскрытые конверты со счетами и прочие бумаги. Два старинных гобеленовых кресла были пододвинуты к очагу. У ножек одного из них приютилась корзина с вязальными принадлежностями. Арло уже свернулся в клубок на просевшем диване и уткнулся носом в хвост. Перед окном едва заметно раскачивались пышные хлорофитумы в подвесных вязаных кашпо для горшков. Книжные полки ломились под горами книг, копившихся веками.

На камине, прислонясь к латунному подсвечнику, стояла крошечная кукла из кукурузных листьев, с пуговицами на месте глаз. Вокруг ее шеи был повязан бантик из пряжи. Конни дотронулась до куколки кончиком пальца. Очередное напоминание о лете 1991 года. Как-то ночью Конни нашла ее помятую и позабытую за одной из книг. Просто удивительно, сколько секретов может таить в себе дом, из которого никогда ничего не выбрасывалось.

– Ма-ам? – позвала Конни. Травы так долго не завариваются.

– Иду-иду! – отозвался приглушенный голос Грейс из другой половины дома.

Заглянув на кухню, Конни обнаружила лишь мрак и загадочный взгляд женщины на портрете, что висел над обеденным столом. Сдавшись, гостья плюхнулась в кресло и протянула ноги к огню. Она бесцельно глядела на стены гостиной, а те – на нее. Чтобы занять чем-то руки, Конни выудила из кармана джинсов связку ключей. Она расположила старинный железный ключ горизонтально, меж двух указательных пальцев и принялась его разглядывать в свете камина. Древний ключ Конни нашла в этой самой комнате, в толстой Библии, пылившейся на нижней полке.

– Еще минутку! – прокричала Грейс.

Огонь с треском вспыхнул и подбросил кверху горсть искр, озаряя книжные полки золотистыми бликами.

– Тебе точно не нужна помощь?

Пальцы Конни высвободили старинный ключ из связки, и теперь он, один-одинешенек, лежал на ее ладони.

– Нет!

Ключ казался довольно теплым. Конни медленно провела им по костяшкам, как обычно делала с ручкой, когда писала или принимала экзамены.

– И чем она там занимается? – спустя какое-то время поинтересовалась Конни у Арло.

Она обернулась, рассчитывая увидеть на диване сочувствующую мордашку, но пес уже куда-то убежал. Вскоре

в дверях гостиной наконец появилась Грейс, пряча что-то небольшое в ладони.

– У тебя здесь неплохо, мама, – сказала Конни первое, что пришло на ум, дабы хоть как-то разрядить обстановку, возвращая старинный ключик в карман.

– Да, знаю, – ответила Грейс, не придав похвале большого значения. Она подошла к дивану и присела рядом с дочерью. – Дорогая, позволь взглянуть на твою руку.

Конни обратила на мать округлившиеся глаза.

– Зачем это?

– У меня для тебя сюрприз, – ответила Грейс подрагивающим, нарочито беззаботным тоном, который заставил Конни поверить, что мама настроена серьезно.

– Что за сюрприз?

Грейс плотно сомкнула губы.

– Ну, давай, не тяни. Левую, пожалуйста.

Конни живо протянула руку матери, словно ребенок, не желающий получить подзатыльник. Грейс бережно взялась за запястье дочери и принялась поглаживать тыльную сторону ее ладони круговыми движениями больших пальцев, массируя суставы. Напряженные мышцы Конни начали расслабляться, а голова пошла чуть кругом.

– Сэм злится на меня, – тихо сказала она.

– Хм... – Грейс помассировала по очереди каждый палец дочки и продолжила искать новые центры напряжения на ее ладони, о существовании которых Конни даже не подозре-

вала.

Она полностью расслабилась и откинулась на спинку кресла. Пламя очага грело ступни, а в воздухе витал запах дров и пыли. Она была дома.

– И я не знаю, почему, – добавила Конни, слукавив, хоть и понимала, что мама об этом догадывается.

Единственное, чего Конни не понимала, – зачем рассказывает об этом Грейс. Быть может, ей хочется избавиться от чувства вины?

– Хм... – снова протянула последняя.

Она положила ладонь дочери себе на колени. Угли в камине потрескивали, а умелые руки Грейс продолжали свое дело. Конни вздохнула и прикрыла веки. Вдруг она ощутила щекочущее прикосновение, раскрыла глаза и обнаружила, что мать завязала вокруг ее запястья кусок обычного колючего шпагата, к которому был привязан крошечный серый камешек. Выглядел он не красивее куска дорожной гальки.

– Что за чертовщина, мама? – воскликнула Конни тем же раздраженным тоном, каким возмущалась, когда однажды в средней школе Грейс подложила в портфель дочки корень Джона Завоевателя¹³, из-за чего ее учебники и тетрадки воняли гнилью как минимум месяц.

– Орлиный камень. – Грейс наклонилась и вынула из корзины пряжу.

---

¹³ *Корень Иоанна Завоевателя* – растение, использующееся в магических практиках.

– Что?

– Орлиный камень.

Пока Грейс живо шевелила пальцами, спицы звонко ударялись друг о дружку, постепенно вырисовывая пятку небольшого носка.

– Повторение сказанного ранее ничего не проясняет. – Конни чувствовала себя рассерженным подростком, и ее, как взрослую женщину, это сердило еще больше.

– Это своего рода жеода¹⁴. Он полый. Смотри... – Грейс нагнулась к камню и легонько постучала по нему пальцем.

Кусочек гальки тихонько задребезжал.

– И чем же я заслужила столь изысканную, чарующую вещь? – Конни отдернула руку и попыталась развязать шпигат, но узелок не поддался.

Грейс отложила вязание и вышла из гостиной.

– Отвар уже почти готов, – произнесла она, направляясь на кухню.

Конни поднесла камешек к огню, чтобы разглядеть получше. Да, он был абсолютно обычным и ничем не примечательным. А еще дребезжал.

Через минуту или две Грейс вернулась. На этот раз с

---

¹⁴ Жеода – геологическое образование, замкнутая полость в осадочных (преимущественно в известковых) или некоторых вулканических породах, частично или почти целиком заполненная скрытокристаллическим или явнокристаллическим минеральным веществом, агрегатами минералов; полая крупная секреция. Форма жеоды может быть любая, но чаще она изометричная, округлая, эллипсоидальная и пр.

двумя долгожданнами треснутыми чашками. Хозяйка дома снова опустилась на диван и с натянутой улыбкой протянула дочери напиток.

– Что ж, – сказала Грейс, – рада видеть тебя. Ну, что еще интересного происходит в твоей жизни?

– Очень смешно, мам. – Конни понюхала отвар. На мяту не похоже: другой оттенок зеленого и аромат. – Что это?

Грейс лишь испустила удивленный смешок и отпила из своей чашки, не удостоив дочь ответом.

– Что это, мама? Это же не мята, – настаивала Конни.

– Малиновый лист. Отлично тонизирует. Попробуй.

Во всяком случае, аромат отвара был приятным, просто необычным. Конни неуверенно отпила и ощутила насыщенный травяной вкус.

– Мне жаль слышать, что вы с Сэмом в ссоре, – сказала Грейс, наблюдая за пламенем.

– Мы не в ссоре. – Конни сделала очередной глоток, чтобы не продолжать разговор. Она уже сожалела, что подняла эту тему.

– А-а, – протянула Грейс.

– Уверена, все скоро уладится. – Конни не желала вдаваться в подробности. – Ничего серьезного. Просто мелкие недопонимания.

Грейс продолжала потягивать напиток. В свете огня ее кожа выглядела белой и тонкой, тронутой веснушками, которых дочь раньше не замечала.

– Точнее, мы уже разобрались, – добавила Конни.

Грейс перевела взгляд на лицо дочери. Затем вниз – на ее клетчатую юбку. Снова на лицо. И слегка улыбнулась.

– В чем дело? – спросила Конни, нахмурившись.

Грейс поставила чашку на стол и протянула стопы к камину. Пальцы на ее ногах хрустнули.

– Знаешь, дорогая, – произнесла мать тоном человека, который знает, что обязан что-то сказать, но сильно не хочет этого делать. – Может статься, самый правильный путь совершенно не тот, который тебе таковым кажется.

– В смысле? – Горячая чашка обжигала ладони Конни.

– Быть может, лучшее, что ты можешь сделать для Сэма – это отпустить его. – Грейс говорила уверенно, но не отрывала взгляд от пламени.

– Отпустить Сэма? – переспросила Конни. – О чем ты? Я думала, он тебе нравится. Ты всегда так говорила.

Сэм нравился всем. Лиз Дауэрс, бывшая соседка Конни и обладательница ямочек на щеках, пошучивала, что в последнее время Сэм нравился ей даже больше, чем сама подруга. Конечно же, Лиз просто шутила. Наверное.

– Он нравится мне. И даже очень. – Глаза Грейс помрачнели, и она снова потянулась за спицами.

Конни отпила из чашки, чтобы не сболтнуть того, о чем будет жалеть. Горячий напиток обжигал язык.

– Тебе нужно повзрослеть... – сказала Грейс.

– Мне тридцать четыре, – прорычала Конни, точно как

Арло, когда кто-то пытался отнять у него кость.

– Иногда нужно поступать не так, как хочется. Если так будет лучше для того, кого любишь.

– Да знаю я, – буркнула дочь.

Одно из горящих поленьев с треском рассыпалось на маленькие угли.

– Может статься, – медленно продолжала Грейс, активно работая длинными спицами и придерживая пряжу большими пальцами, – что в твоей жизни наступила пора перемен. Возможно, эти перемены... – Она резко остановилась и опустила будущий носок на колени. – Я лишь боюсь, чтобы эти перемены не навредили Сэму. Вот и все.

– Мама! – Конни раздраженно стукнула чашкой по полу, отставляя ее. – Ты не могла бы выразаться конкретнее? Сэм злится на меня, потому что хочет, чтобы мы поженились.

– Правда? – В голосе Грейс появились оживленные нотки.

– Да. Правда. Я сказала, что не хочу отвлекаться на подготовку к свадьбе, пока не заключу постоянный контракт с университетом. Честно сказать, на мне и без того уже столько всего, что я не понимаю, как со всем справляться. Однако Сэм настаивает, что, если я действительно люблю его, причин откладывать нет. Из-за этого мы сильно поругались на прошлой неделе. С тех пор он ведет себя очень странно и отстраненно. Поэтому, если ты уверена, что мне лучше с ним порвать, говори прямо. – В висках Конни запульсировала кровь.

Неделю назад Сэм пригласил ее в китайский ресторанчик в Гарвардском парке – тот самый, где на первом этаже подают дешевые лепешки с луком-шалотом, на втором расположена лаунж-зона, а на третьем шумный ночной клуб. Он провел Конни на второй этаж, усадил ее на банкетку и, угостив коктейлем «скорпион» в утыканной трубочками традиционной чаше с изображениями танцоров хулы и пламенем в середине, напоминающим маленький вулкан, сделал предложение руки и сердца.

Конни лишь хохотнула и ответила:

– И это перед заключением контракта? Да ты смеешься!

Это было просто ужасно.

– О, дорогая, – тихо произнесла Грейс. – А у тебя есть другой выбор?

Конни откинула голову на спинку кресла и уставилась в потолок. Дубовые бревна изгрызли древоточцы. Но даже несмотря на это, те были прочны, словно армированный бетон. Эдакая иллюзия слабости, маскирующая невообразимую мощь. Когда американскую цивилизацию настигнет крах и люди покинут континент, а все их сооружения превратятся в руины, эти дома в Новой Англии продолжают стоять как ни в чем не бывало, сверкая обнаженными дубовыми ребрами.

Так сказал Конни Сэм.

Она дотронулась до камешка, что привязала к ее запястью мама. Тот задребезжал. Это уже начало порядком раз-

дражать.

– Знаешь, – спокойно продолжила Грейс. – Говорят, орлиный камень можно отыскать лишь в орлином гнезде. Чтобы раздобыть их, птицы облетают целый континент и в когтях доставляют камни в свои гнезда. Это помогает защитить отложенные яйца.

– Похоже на выдумку, – ответила Конни, поглаживая большим пальцем затертый участок подлокотника.

Грейс завязала первый носок на узел и принялась за второй.

– Это очень сильные птицы.

Она вязала второй носок из такой же нежной мохеровой пряжи оттенка молодого клевера, что и первый.

– Ага, – отреагировала Конни.

Казалось, Грейс хотела добавить что-то еще, но сдержалась. Свет за окнами, выходящими на сонный сад, постепенно тускнел, приглашая ночь. В углах комнаты и под мебелью сгущались тени, окрашивая помещение в темно-синие и черные тона.

– Я подготовила гостевую, – сказала хозяйка дома.

– Спасибо, мама.

Внезапно Конни почувствовала себя изможденной. Полностью и окончательно.

Грейс выглянула в окно.

– Имболк¹⁵, – произнесла она практически себе под нос. –

---

¹⁵ *Имболк* – один из четырех основных праздников ирландского календаря,

Ты встречала подснежники по дороге? В Имболк все кажется замершим и спящим. Словно зима никогда не закончится. Но это не так.

Подснежников Конни не заметила, но, если они и взошли, это было слишком рано. Подснежники и крокусы всегда пробивались сквозь снежный покров раньше других растений.

– Уже совсем скоро, – глаза Грейс потускнели, – настанет ее конец.

отмечаемых среди гэльских народов в начале февраля или при первых признаках весны. Обычно он празднуется 1 или 2 февраля, так как это день переходной четверти на солнечном календаре, на полпути между зимним солнцестоянием и весенним равноденствием.

Интерлюдия

Истторп Эссекс. Англия

Сретение Господне

1661

Воздух стремительно вырывался из легких Ливви. О колени билась разодранная корзина. Девочка бежала с непокрытой головой, позади трепетал плащ. Вечерние тучи все темнели и пухли, грозя учинить без предупреждения снегопад. Ливви свернула за каменный забор, порывисто выдвинула задвижку калитки и устремилась к двери дома, пробежав мимо кудахчущих кур.

Малышка замерла у порога: из дома доносились крики.

– Иди сюда, мы еще не договорили! – прогремел мужской голос.

Это был отец Ливви, Роберт Хасселтайн.

– Успокойся ты! – прокричала в ответ Гуди Редферн – хозяйка жилища и кузина матери Ливви.

Затем раздался звон бьющейся посуды.

Ливви отшатнулась от двери, крепко сжимая корзину.

Прежде чем бедняжка успела сообразить, что делать дальше, створка распахнулась и показалось взбудораженное лицо отца. Его нос и щеки покраснелись от простуды, а редющие на макушке волосы были взлохмачены. Роберту потребовалось несколько мгновений, чтобы заметить на пороге дочь. И еще на то, чтобы разглядеть на ее лице свежий синяк. Ливви казалось, к этому времени ушиб распух до размера капустного кочана. Ноздри отца широко раздулись.

– Давай быстро в дом, – сказал он дочери.

– Хорошо, папа.

Дверь за Ливви захлопнулась, и она оказалась в прихожей, окутанной кухонным дымом. Гуди Редферн стояла с жирной сковородой в руке, а за ее юбкой прятался один из сыновей. Лоб хозяйки блестел от пота.

– Ливви! – воскликнула она. – Где ты была?

– Где мама? – спросила девочка.

Она услышала позади грохот закрывающейся двери. Это вышел ее отец.

– На чердаке. – Гуди Редферн поставила сковороду на рабочую столешницу посреди кухни, поправила платок и вытерла рукой лоб. Усадив девочку, помогла ей разуться и лишь потом обратила внимание на ее лицо.

– Посмотри-ка на меня. – Хозяйка приподняла подбородок Ливви и развернула ее лицо к свету. Глаз у Гуди Редферн

был зорким – ничего не утаишь. – Как же так вышло?

– Я упала, – ответила Ливви, надеясь, что Господь простит эту безобидную ложь.

Насколько ей было известно, мальчишки, что преследовали ее, приходились Редфернам родней. Ливви не хотелось лишний раз сеять раздор.

– Ясно.

Гуди отыскала дряхлый бинт и вытащила из висящего под потолком пучка какой-то лист. Затем завернула растение в марлю, намочила и передала Ливви. Та приложила горячую припарку к опухшему лицу, не сводя глаз с хозяйки.

Ливви поставила корзину на широкие половицы. Может, Гуди все же не заметит, что корзина пустая и рваная. Девочка проживала в доме родственницы и была обязана подчиняться и приносить пользу.

Гуди Редферн подошла к кухонному очагу, пошевелила кочергой угли и помешала варево в висящем над огнем чугунке. Пахло луком, овощами, картофелем и куриным жиром.

– Давай, иди к матери, – не оборачиваясь, сказала хозяйка.

Ливви доковыляла до лестницы и принялась устало карабкаться наверх, помогая себе одной рукой, второй прижимая к синяку припарку.

На чердаке царил полумрак. Внутрь свет просачивался лишь сквозь щели вокруг чердачной крышки и между половицами. Было сыро и тепло – после холодного дня воистину

облегчение. Снизу доносился звон кухонной утвари, шуршание, чихи и мурлыканье Гуди Редферн, напевающей псалом. Здесь, в атмосфере домашнего уюта, Ливви наконец дала волю слезам.

– Мама? – тихонько позвала девочка.

Когда глаза Ливви привыкли к темноте, она смогла разглядеть смутные очертания крупной фигуры на соломенном тюфяке в дальнем углу. То была ее мать, Анна. Она лежала на боку, зажав ладони между ног. Ливви угадывала лишь плавную линию бедер матери, выпирающие плечи и подтянутые к груди колени.

Девочка двинулась вперед, стараясь ступать мягко и беззвучно. Она опустилась на колени и улеглась на тюфяк. Солома слегка хрустнула под ее небольшим весом. По сену над головой вприпрыжку пробежали мыши. Малышка прижалась к спине матери и аккуратно обняла ее. Колкое шерстяное платье Анны источало знакомый запах, который так любила Ливви, – солодки или аниса, мускатного ореха и терпких трав. Анна взяла руку дочки и прижала к щеке.

– Нам нужно уехать завтра, – сказала она.

Они добирались сюда среди суровой зимы много месяцев по испаханым застывшими колеями, испещренным ледяными лужами дорогам. И все ради того, чтобы побыть у Гуди Редферн каких-то несколько недель? Мама Ливви практически не выходила из дома. Да что там... практически не спускалась с чердака. Гуди Редферн относилась к присут-

ствию Хасселтайнов в своем доме неоднозначно. Она явно не была им рада, но и не выгоняла. Подобное отношение часто величают добротой.

Ливви провела пальцами по убранным назад волосам матери. Девочке хотелось узнать причину скоропостижного отъезда, но она боялась показаться нахальной.

– А куда мы поедем? – издалека зашла Ливви.

Анна перевернулась на спину. Матери было всего-то чуть больше сорока: бледная женщина с утомленными заботами глазами. Прямой нос усыпали веснушки. Ливви тоже была белокожей обладательницей веснушек, из-за которых складывалось впечатление, будто ее лицо забрызгали капельки грязи.

– Девочка моя, что случилось? – спросила Анна, увидев лицо дочки.

Глаз бедняжки уже практически не открывался. Ливви снова прижала к ушибу припарку.

– Я поскользнулась.

Анна плотно сжала губы.

– Нет, это не так, – упрекнула она, погладив дочку по волосам, и осторожно провела подушечкой большого пальца по ее пурпурному веку. – «Потоки вод изливает око мое о гибели дщери народа моего», – процитировала Анна Плач Иеремии.

Ливви уже слышала, как мама произносила эти строчки на богослужении в Пендл Хилл.

После того как трон возвратили истинному королю, а тело самозванца провезли по улицам, пуритан вроде Хасселтайнов в деревнях не слишком жаловали. Им, островкам твердой морали, приходилось прятаться по углам, сторонясь папства и его мерзкой распушенности, вызывая у Короны подозрения. Однако помимо этого было что-то еще. Всю жизнь, насколько припоминала Ливви, ее семья старалась держаться в тени. Была здесь некая покрытая мраком тайна. Из-за чего они столь внезапно покинули Ланкашир и отправились в Эссекс, в эту дыру под названием Истторп? Этому предшествовали какие-то толки, косые взгляды, грубые слова и отвратительные часы у позорных столбов, к которым приковали Ливви и Анну, предоставив соседям возможность над ними поглумиться. И однажды ночью Роберт Хасселтайн усадил семью на телегу поверх скрученных простыней, старых обносков и сундука с посудой, и они уехали, ни с кем не попрощавшись. По пути Хасселтайны время от времени останавливались в торговых городах и практически не общались между собой.

И вот снова пора уезжать.

Ливви была не против отъезда. Вдруг они решили вернуться домой?

– Мамочка? – позвала она. – Так куда мы завтра уезжаем?

– В Ипсвич, – ответила Анна, но каким-то странным тоном.

Ипсвич был портовым городком и находился недалеко от-

сюда. На телеге ехать день-два. Если не выпадет снег.

Но в Ипсвиче у Хасселтайнов никого нет. Они будут там чужаками.

– В Ипсвич? – переспросила Ливви.

– Да, моя радость, – подтвердила Анна. – А оттуда в мирный край, в место, которое в буквально смысле означает «благополучие». В этой пустыне мы зародим новый Сион.

– Где же это?

Ливви уселась. Собственный голос казался девочке тихим и отдаленным. Анна нежно заправила прядь дочери за ухо. Низенькая собачонка с продолговатым туловищем улеглась на ноги хозяек, согревая их.

– В Массачусетсе, – невозмутимо ответила женщина. – Деревенька под названием Салем.

*Кембридж. Массачусетс**День после Имболка**2000*

Конни оперлась локтями о барную стойку паба «У Абнера», любуясь глубоким янтарным отливом коктейля «олд фешн»¹⁶. Кубик льда уже растаял, по дну перекатывалась мараскиновая вишенка.

– Может, попробуете что-нибудь другое? – спросил Абнер.

– Что-что? – переспросила Конни.

По стенке бокала побежала капелька конденсата, и Конни поймала ее большим пальцем.

– Мне кажется, вам не понравилось. – Абнер указал на коктейль.

---

¹⁶ «Олд фешн» – коктейль на основе бурбона, скотча или виски. Как правило, украшается долькой апельсина и коктейльной вишней.

– Нет-нет. Все в порядке, – ответила Конни. – Но я бы не отказалась от начос.

В этих отвратительных кукурузных чипсах явно что-то было. У Конни начинала выделяться слюна при одной лишь мысли о них. Этот плавленый искусственный сыр, консервированные оливки и кусочки халапеньо... Зази подняла бы ее на смех, если бы узнала.

– Конечно, дитя мое.

Конни знала, что Абнер всех так называет, потому как не может запомнить столько имен. Но ей все равно нравилось, что владелец старался создавать некую иллюзию близости с посетителями. Также ей нравилось и то, что хоть в чьих-то глазах она все еще подходила под категорию «дитя».

Конни покрутила бокал на подставке. Камень на запястье дребезжал при любом движении. Словно колокольчик на кошачьем ошейнике, предназначенный для предупреждения маленьких птишек об опасности. Теперь незамеченной Конни ни к кому не подкрадется. Не то чтобы она стремилась к кому-нибудь подкрасться, но все же. Это смущало само по себе.

– Бу! – взорвался у нее под ухом молодой женский голос.

От неожиданности Конни ахнула. Обернувшись, она увидела озорные глаза и щеки с ямочками. Это была подруга Конни, Лиз Дауэрс.

– Боже... Я чуть коньки от страха не отбросила.

– Прости, не смогла удержаться. – Лиз заняла барный стул

рядом с подругой и жестом показала Абнеру, что тоже не прочь отведать «олд фешн». – Ты так ушла в свои мысли, что я уже думала стащить твой ноутбук, чтобы проверить, заметишь ли ты.

Подруги жили в одной комнате во время учебы в аспирантуре. Конни изучала американскую колониальную историю, а Лиз антиковедение. После аспирантуры Конни пустилась прокладывать себе путь в профессию, самозабвенно преследуя одну-единственную цель в ущерб семейному счастью. Лиз же заплывла в тихую гавань музейной жизни, бросив якорь в отделе Средневековья Гарвардского художественного музея. Сейчас она занимала должность помощницы хранителя. А по специальности была... О, боже... Специальность Лиз была настолько таинственной и специфичной, что Конни не до конца могла ее осмыслить. Что-то про иллюминированные рукописи¹⁷. И поэзию? Да, вроде все так.

Пока Лиз торопилась по холоду к подруге, ее щеки покраснелись. Она нарядилась в блузку, юбку-карандаш и сапоги по колено. Ее белоснежные волосы были собраны на макушке в аккуратный пучок, из которого выбились лишь несколько волосков, пока Лиз неслась сломя голову через Гарвардский парк. Она выглядела слишком взрослой. Это казалось таким странным.

– Проклятье! В следующий раз хоть предупреждай чело-

---

¹⁷ *Иллюминированные рукописи* – рукописные средневековые книги, украшенные красочными миниатюрами и орнаментами.

века, – сказала Конни. – И не смей трогать мой ноутбук.

– Я бы предупредила, если бы у человека был телефон. Кстати, твой ноутбук лучше моего. Моему уже лет пять. И весит он килограммов пятнадцать!

Абнер протянул Лиз коктейль, и она пригубила его с наслаждением женщины, которая работает по десять часов в день под флуоресцентными лампами в помещении без окон.

– Давно ждешь? Мы вроде договаривались на полшестого.

– Да, – ответила Конни.

Вдруг совершенно неожиданно и без какой-либо очевидной причины что-то в ее груди оборвалось, и из глаз полились слезы.

– Эй! – Лиз приобняла подругу за плечи. – Ты чего?

Конни нащупала рядом с бокалом салфетку и высморкалась.

– Не знаю! – выдохнула она, вытирая влагу.

– Что-то случилось? – мягко спросила Лиз, поглаживая Конни по плечу.

– Мы с Сэмом поссорились, и мама думает... думает... – Она всхлипнула. – Мама думает, я должна с ним расстаться. Еще она привязала этот идиотский камень к моей руке, от которого я не могу избавиться!

Лиз заключила подругу в крепкие объятия, но не смогла не засмеяться. Сдержанно и по-доброму.

– Моя ты бедняжка. Давай, попросим у Абнера ножницы?

Конни посмотрела на заботливое, полное сочувствия лицо Лиз и рассмеялась, а по ее щекам все еще катились слезы.

– Ты только взгляни! Это ужасно! – Конни продемонстрировала подруге плененное запястье.

Лиз зажала орлиный камень большим и указательным пальцами и с сосредоточенным видом принялась разглядывать его в тусклом освещении бара.

– Ух ты! Это – самая диковинная вещь из арсенала Грейс. Из тех, что мне доводилось видеть.

Конни разразилась еще более громким смехом и снова прочистила нос. Абнер поставил тарелку начос на стойку между девушками и подлил Конни воды. Рядом с закуской хозяин положил еще несколько салфеток.

– Это уж точно. – Конни постучала пальцем по камешку, и тот послушно задребезжал.

– Он еще и звенит? Наверняка это сводит тебя с ума. – Лиз покрутила перед носом начос и поморщилась. – Это точно ты заказала?

– Вот они точно сводят меня с ума. – Конни вытащила из тарелки один начос, за которым потянулся длинный хвостик синтетического сыра, и отправила его в рот.

Так солено и жирно... М-м-м...

– Ну, и в чем его назначение? – спросила Лиз, легонько отодвигая тарелку с закуской ближе к подруге.

– Чье? – переспросила Конни с набитым ртом.

Остренький халапеньо, соленые оливочки... Вкуснота.

Она потянулась за добавкой.

– Звенящего камешка. Грейс не подарила бы тебе столь изящное украшение, не будь в нем сакрального умысла. Необходимо сбалансировать твои чакры или что-то в этом роде? Меркурий снова в ретрограде? – Лиз глотнула коктейль. – Кстати, это бы объяснило мое вчерашнее неудавшееся свидание.

Конни глянула на орлиный камень, не переставая жевать.

– Подразумевается, что он обеспечивает защиту. Согласно легенде, эти камни используют орлы в качестве оберега для своих яиц.

Лиз прыснула, и последний глоток коктейля вылетел через ее ноздри.

– Что, прости?

Конни пожала плечами.

– Оберега для яиц? – не веря, переспросила Лиз.

– Так мама и сказала.

Лиз развернулась к Конни и, разведя руки подруги по сторонам, принялась разглядывать ее свитер, клетчатую юбку и растерянное зардевшееся лицо.

– Ты беременна? – с подозрением спросила Лиз.

– Что? – опешила Конни.

– Яйца, повышенные меры предосторожности... Давай колись! – понизила голос подруга. – Из-за этого вы повздорили с Сэмюэлом, да?

Лиз всегда называла Сэма Сэмюэлом. Констанс, Сэмюэл

и Элизабет – этими известными в отдельных кругах официальными именами, Конни, Сэм и Лиз в шутку называли друг друга между собой. Именно Элизабет, а не Лиз носила юбку-карандаш.

Конни еще не была дома и не виделась с Сэмом. Она провела ночь у матери в Марблхедде, ворочаясь на двух неудобных сдвинутых вместе одноместных кроватях с балдахинном в мансарде бабушкиного дома. Конни разбудил тусклый серый свет, лившийся сквозь жалюзи. Она глянула на часы и поняла, что проспала практически двенадцать часов. Стукнуло уже десять утра. Конни никогда не вставала так поздно. Дом был пуст, если не брать в расчет разлегшегося под обеденным столом Арло. Пес любовался портретом женщины, которая неизменно надзирала за кухней, держа под мышкой маленькую собаку.

– Нет... – растерянно ответила Конни.

– А почему так неуверенно? – Лиз склонилась к подруге, чтобы трое гогочущих старшекурсников в спортивных пиджаках с кружками пива не подслушали их разговор.

Конни потерла большим пальцем почерневшие от старости инициалы, нацарапанные на деревянной столешнице.

– То есть я думаю, что нет.

Правда заключалась в том, что Конни совершенно не следила за состоянием своего тела. Оно само знает, что лучше для его хозяйки и не допустит недоразумений, верила Конни. Ее тело служило оболочкой для мозга. Даже в момен-

ты близости с Сэмом ей было тяжело расслабиться и наслаждаться ощущениями. Она направляла их разумом, боясь потерять контроль.

– Хочешь сказать, ты не следишь за циклом? – недоуменно осведомилась Лиз.

– А кто за ним следит? – спросила Конни с таким же удивлением.

Изогнув светлую бровь, Лиз вынула из сумки толстый ежедневник, раскрыла календарь на странице января и ткнула в нее пальцем. Четыре дня, начиная с двадцатого числа, были помечены красными точками.

– О-о... – выдохнула Конни и снова засунула в рот начос, чтобы ничего не отвечать.

– Когда у тебя была последняя менструация? – Лиз убрала ежедневник обратно в сумку.

Конни пожала плечами. Она задумалась об этом только после вопроса Лиз, задумчиво подняв глаза на потолок. Хм... Минутку... Когда же это было?..

– Ради всего святого! – воскликнула Лиз. – Ты спятила! Никогда бы не подумала, что ты настолько невежественна. Сейчас вернусь.

Лиз накрыла коктейль картонной подставкой, чтобы бармен его не убрал, бросила очередной неодобрительный взгляд на тарелку с начос, накинула пальто и выскочила из паба.

Стоило Лиз скрыться из виду, Конни выдавила:

– Ну и ладно.

Она в очередной раз прокрутила на подставке нетронутый «олд фешн».

– Абнер? – окликнула владельца Конни.

– Да-да?

Абнер убрал оставленные старшекурсниками пивные кружки и протер столешницу. Конни отодвинула алкогольный коктейль.

– Можно мне колы, пожалуйста?

Если бармен невольно и подслушал разговор девушек, то не подал вида, поскольку был крайне профессионален.

– Конечно, – ответил Абнер и сменил коктейль на украшенный долькой лайма стакан с шипучей колой.

Сладкая газировка пахла довольно приятно. Конни не припоминала, чтобы когда-то обращала внимание на запах колы.

– Благодарю.

Она сбрызнула напиток лаймом и потянула в рот очередной начос, пропитанный сырным соусом.

Нет, Лиз не может быть права. Да ну! Это невозможно. Тело Конни не способно так с ней поступить. Когда впереди такие амбициозные планы...

В отражении зеркального панно под вывеской «У Абнера», выполненной на старинный манер, Конни не замечала ничего подозрительного. Те же веснушки, длинная каштановая коса, аккуратный нос. Глаза, про которые Сэм говорил

«как у зомби» из-за их бледно-голубого оттенка. Щеки слегка покраснелись от волнения. Удобный свитер в исландском стиле с пришитой Грейс замшевой заплаткой на локте. Все как обычно. Может вид чуть болезненный, но ведь и Конни уже не девочка.

Нет. Это совершенно точно невозможно. никоим образом до заключения постоянного контракта. Весь мир должен замереть и ждать. Так и будет. И свадьба подождет. Всему свое время.

Мимические морщинки вокруг глаз Сэма оставались отчетливыми даже во время сна. Конни любила поглаживать их кончиком пальца: ей было любопытно, долго ли Сэм сможет так проспать. Будет ли их ребенок (!) похож на папу? У младенцев не бывает мимических морщин. Да и они не слишком-то улыбаются, а вначале больше смахивают на извивающихся шелкопрядов. Нет-нет. Сперва нужно закончить книгу. Этого не может быть. Она же была так осторожна. Так...

– Все, я вернулась. Пойдем, – раздался голос Лиз. Отсутствовала подруга не больше десяти минут и теперь стояла перед Конни с маленькой пластиковой упаковкой с эмблемой аптеки. – Давай! Потопали в дамскую комнату!

– Что? Прямо здесь? – Конни побледнела.

– Поднимайтесь, Констанс, – произнесла Лиз наигранно-серьезным тоном. – Некогда рассусоливать.

Она поволокла Конни к крошечной уборной с двумя кабинками, где даже развернуться было тяжело.

– Держи.

Лиз вручила Конни пакет и затолкала ее в одну из кабинок, а сама осталась ждать снаружи, развернувшись спиной к дверце. Она стояла так близко, что Конни видела каблук ее сапог.

– Ты собираешься стоять здесь? – хныкнула заложница.

– Сбежать не выйдет, – отрезала Лиз.

Конни выругалась и вскрыла тест. Разорвала пакетик из фольги и достала сложенную гармошкой инструкцию на английском и испанском языках.

– Боже, – буркнула она. – Это так унижительно.

– Почему я до сих пор не слышу журчания? – пропела в ответ Лиз, для убедительности постукивая мыском.

С задранной клетчатой юбкой, спущенными трусиками и странным тонким предметом в руке, Конни чувствовала себя нелепо и неловко.

– Надеюсь, ты знаешь, как этим пользоваться? – решила подстраховаться подруга.

– У меня высшее образование! – громко прокричала Конни.

Лиз расхохоталась.

А затем воцарилась тишина. Какая жуткая ситуация. Конни тысячу раз справляла малую нужду в присутствии Лиз, но в таких случаях подруги, как правило, были увлечены разговором. Она попыталась расслабиться.

– Представь ручейки, – вмешалась Лиз.

– Помолчи-ка, будь добра! – рывкнула в ответ Конни.

За последнее десятилетие на дверце кабинки скопилось множество надписей и рисунков. «Джош – мудак». «ТГ + СГ» внутри выведенного маркером сердца. Строчка «Hit me baby one more time» из небезызвестной песни. Неровный лист марихуаны.

Конни вздохнула и расслабилась. Все прошло успешно.

– Умничка, – похвалила Лиз подругу.

Конни надела на пластиковую палочку колпачок и обернула туалетной бумагой. Привела себя в порядок и вышла из кабинки, зажимая тест большим и указательным пальцами, словно тот был радиоактивным.

– Подождем немного, – сказала Лиз. – Не нужно без конца на него пялиться.

– Мне очень страшно, – простонала Конни.

Она аккуратно положила тест на край единственной раковины и вымыла руки.

– Ожидание – самая тяжелая часть процесса, – сказала Лиз.

Прислонившись к большому зеркалу туалетной комнаты, Конни обняла себя руками.

– Говоришь, как опытная в этом деле.

– В колледже у меня было больше веселья, чем у тебя.

– Да уж.

– Ну и... – Лиз выудила из сумочки блеск и, наблюдая за Конни через зеркало, размазала по губам бледно-розовую

капельку. — Что будешь делать?

В бедро Конни врезалась дверь, и в дамскую комнату влетела женщина средних лет, по виду — простая домохозяйка.

— Ох! — Конни стиснула зубы от боли.

— Добрый вечер, — сухо бросила Лиз, махнув женщине рукой.

Та обвела подружек взглядом и скрылась за дверцей кабинки, которую только что покинула Конни.

— Но я не... — ответила Конни. — То есть это же не точно.

— И что? — Лиз оперлась бедром о край раковины. — А если точно?

Послышалось характерное журчание. Конни перевела взгляд под дверь кабинки, на кроссовки женщины. Ей не хотелось становиться такой же. Увядшей и напрочь лишенной привлекательности. Интересно, в какой момент женщина теряет женский облик и превращается в типичную мамочку? Случается ли это по щелчку пальцев за одну ночь, или трансформация постепенная? Походить на Грейс Конни тоже не желала. Не то чтобы та была плохой матерью. Нет. Но расти в конкордской коммуне, где без конца менялись постояльцы, ужинать капустой с бурым рисом и спать под дырявой крышей не совпадало с представлениями Конни о счастливом детстве. Она думала, что положила конец хаосу детской жизни, организовав и подчинив строгому порядку жизнь взрослую, стремилась контролировать все, что только могла, зачастую беря на себя лишнее.

– Нет, этого не может быть, – Конни скрестила руки на груди.

«Мать» нажала на кнопку смыва и вышла из кабинки. Чтобы она смогла протиснуться к раковине крошечной дамской комнаты, Лиз пришлось развернуться боком. Пластиковый тест лежал под зеркалом на куске туалетной бумаги – прямо перед женщиной. Увидев маленький предмет, таглянула на подруг округлившимися глазами, закрыла кран, пробралась мимо Лиз к двери и покинула туалетную комнату, бросив на прощание недовольный взгляд.

– Ага, и вам до свидания, – проворчала Лиз, когда дверь захлопнулась.

Конни протерла ладонями глаза, мечтая снова оказаться у барной стойки. Она всего лишь хотела приятно провести время с подругой, а не это все. Начос, наверное, уже остыли, а сырный соус затвердел.

Глянув на часы, Лиз взяла тест и поднесла его к глазам.

– Эх... – выдохнула она и протянула пластиковую палочку подруге. – Во всяком случае, хорошо, что ты узнала об этом сейчас.

– Вот черт!..

Конни добралась до Месерв-холл на Хантингтон-авеню, что располагался на противоположном берегу реки, уже глубоко затемно. Стояла воскресная февральская ночь. У бордюров чернели остатки грязного снега. В кампусе было пустынно, и от стен зданий отражались звуки торопливой по-

ступии Конни. Дрожащими руками она попыталась открыть дверь своего кабинета.

– Черт! – выругалась Конни.

Она повторила это слово множество раз, пока бежала от паба до «вольво», который завела так громко, что дремавший на заднем сидении Арло подскочил. Она ругалась, пока мчалась на автомобиле в Бостон, стремительно отдаляясь от дома, где ее ждал Сэм. Ждал Конни к ужину. Но к ужину – понятие растяжимое.

Лучше отправиться в офис. Поработать. Хотя бы пару часов. Ей просто необходимо занять себя делом.

Наконец замок поддался, и Конни с облегчением проскользнула в свое маленькое убежище с единственным окном и без каких-либо декоративных излишеств, помимо книжных полок. Вот ее стол. И компьютер. Комфортное кресло для чтения. Настольная лампа, приобретенная еще во времена аспирантуры. Гудящая система отопления, которая выдувает из-под окна теплый воздух, отчего морозные узоры не успевают застывать на стекле.

Конни рухнула на стул перед столом.

Она включила лампу, и та отбросила желтоватый световой круг на грудку работ, ожидавших проверки. Запустила компьютер, и он, оживая, загудел. Открыла документ под названием «Полная история магии и колдовства. doc» и попыталась начать.

Буквы расплывались. Конни потерла глаза, красные от

усталости и внезапного приступа плача в пабе «У Абнера». Что же такое происходит?

Профессор опустила руки и вгляделась в длинные, напечатанные мелким шрифтом абзацы. Она закончила на пятой главе, где рассказывала о 1600-х годах – периоде, когда магия постепенно переставала рассматриваться как преступление и переходила в разряд атрибутов верований различных культур, однако не признавалась официально. Конни дошла до 1735 года – момента в истории, когда Англия решила пересмотреть свои взгляды в отношении магии. Если до 1735 года ее использование считалось серьезным злодеянием, влекущим за собой смертную казнь, то после закон сделался лояльным к колдовству. Магия превратилась в инструмент извлечения прибыли. Инструмент шарлатанов, которым те играли на людской доверчивости. Конни должна была представить готовую книгу издательству Корнеллского университета еще два месяца назад. В своем труде профессор утверждала, что пересмотр законов не оказал влияния на искоренение веры североамериканцев в магию.

На самом деле вера в колдовство была невероятно велика и гнездилась в сознании людей, а закон стремился защитить народ от его же невежества.

Тем не менее Конни столкнулась с одной проблемой. Дело в том, что источников, датируемых восемнадцатым веком, на которые можно было сослаться, существовало немного. После 1735 года наказанию подвергались лишь те «колду-

ны», которых деревенские жители подозревали в неискренности. То есть, с их точки зрения, шарлатаны. Описания подобных разбирательств мало чем помогали Конни, ведь там не упоминалось ничего о тех шарлатанах, которым простолюдины верили. А ведь подобных успешных индивидов можно было найти буквально в каждой деревне. Все эти сушеные пучки магических трав, наведение порчи, исцеление заклинаниями, взаимодействующие с духами кошки...

Именно Сэм впервые раскрыл Конни глаза на то, что вера людей в колдовство была самой что ни на есть настоящей. И настолько сильной, что влияла на ход исторических событий. Благодаря Сэму Конни начала повсюду замечать тайные знаки, доказывающие веру людей в магические чары. Висящие на дверях подковы. Пенсильванские круглые обереги. Раз обратив на них внимание, она уже не могла ничего с этим поделать. Куда бы Конни ни пошла – повсюду в реальном мире присутствовали обрывки магии.

Все началось летом 1991 года. Летом, когда Конни встретила Сэма. Она глянула на застывшие над клавиатурой руки, которые в свете экрана казались мертвенно-бледными. В ее ладонях вспыхнула боль и скатилась к кончикам пальцев, словно нервы обладали памятью. Конни сжала кулаки, чтобы прогнать ощущения, навеянные неприятными воспоминаниями.

Проверив почту, она обнаружила письмо от редактора с вежливым вопросом о том, когда ее труд будет готов. Ниче-

го, можно ответить чуть позже. Заведующий кафедрой прислал напоминание о заседании ученого совета на следующей неделе. Удалить. Джанин сообщала детали относительно конференции по истории, что состоится в Гарварде через пару недель. Ответ не требуется. Томас Резерфорд, который когда-то писал под руководством Конни диссертацию, интересовался, не пообедает ли профессор с ним в ближайшее время. Постдок хотел обсудить с ней свою будущую книгу.

«Конечно, – напечатала в ответ Конни – В какое время вам будет удобно?»

Следующее сообщение было от Зази. Та просила о встрече в рабочие часы и утверждала, что знает, чего стоила Конни работа над исследованием для ее диссертации, посвященной синкретическим религиям, однако это настолько поразило аспирантку, что она желала послушать еще разок.

«Хорошо. Давайте поговорим об этом. Я хочу увериться, что вы понимаете, во что ввязываетесь», – напечатала Конни.

Ответ от Зази прилетел практически мгновенно: «Отлично! Загляну к вам в четверг! Спасибо, проф. Г!!!»

Что Зази делает за компьютером в ночь на воскресенье? Разве она не должна... кутить? Или заниматься чем-то еще помимо работы?

Конни сидела в рабочем кабинете.

Одна.

В воскресную ночь.

В темноте.

– Черт, – произнесла она в пустоту и потянулась за телефонной трубкой.

Грейс ответила после первого же гудка:

– Ты что, уехала? – предъявила она без предисловий. – Я уходила в магазин за мангольдами¹⁸. Хотела приготовить нам фриттату...

– Мам, как ты поняла? – оборвала Конни. По проводам в трубку потекло молчание. – Мама? – угрожающе рыкнула она.

– Ну... Это же очевидно, доченька, – мягко ответила Грейс.

Вдаваться в подробности мать не стала. В этом была вся Грейс. Она просто всегда все знала, и это сводило Конни с ума. Еще Грейс утверждала, что и дочь будет обо всем знать, если только станет чуточку внимательнее.

– Я хочу лишь узнать твое решение.

– Ты о том, собираюсь ли я оставить ребенка?

– Ты его оставишь.

Уверенность Грейс заставила Конни поморщиться, однако вместе с тем она осознавала, что мама права.

– А что мне остается делать, кроме как надорвать задницу и дописать книгу? И надеяться, что удастся заключить контракт раньше, чем члены комиссии поймут, что я собираюсь отойти от дел минимум на семестр, и вырвут возможность из

---

¹⁸ *Мангольд* – двулетнее травянистое растение; подвид свеклы обыкновенной.

моих рук, словно скатерть из-под сервиза из дорогого хрустала и тонкого фарфора, после чего я навсегда покину учебную жизнь и отправлюсь жить на яхте?

– Что?! – растерянно спросила Грейс. – Нет, солнышко. Я про Сэма.

– Про Сэма?

Конни сразу представила, как Сэм обезумеет от радости. Заставить его отложить свадьбу будет невозможно – он просто возьмет и отведет ее в суд, что на центральной площади для подачи заявления, а потом они вместе с Лиз отпразднуют это дело за чашечкой чая в Ritz. Возможно, прямо завтра. Может, даже приедут его родители. И университетские приятели Сэма, с которыми он видится примерно раз в месяц. У одного из них свой деревообрабатывающий бизнес, а другой состоит в историческом сообществе Южного берега. Они точно захотят прийти. И конечно же, Грейс. Она доберется из Марблхеда к полудню. Интересно, пускают ли в Ritz в восточных кафтанах? Можно позвать и Джанин Сильву тоже. Было бы неплохо. Никаких официальных приглашений, суматохи, хлопот и нелепых головных уборов. Конни терпеть не могла дурацкие шляпки. Можно даже надеть платье. Почему нет? Не свадебное, разумеется, а обычное вечернее. У Лиз должно отыскаться подходящее. Когда Конни в последний раз наряжалась в платье?

– Да, дорогая, – ответила Грейс. – Ты должна отпустить его. Прямо сейчас.

– Что, прости? В смысле, «отпустить»? Зачем?

Курсор на экране Конни мигнул. Еще раз. И еще.

– Честно говоря, я удивлена, что должна тебе это объяснять, – ответила Грейс.

Конни расправила плечи, сжав телефонную трубку сильнее.

В то самое лето они с Сэмом гуляли по садам Марблхеда, раскапывали церковные архивы и купались под луной, наслаждаясь зарождающимся чувством. Но Сэм слег с болезнью. Во время работы под церковным куполом в Беверли у него случился судорожный припадок. Он упал и сломал ногу. Но это еще не самое страшное. Хуже всего то, что, пока Сэм лежал в госпитале, конвульсии продолжались. Они сотрясали его тело, словно подземные толчки землю. Доктора оказались бессильны. Конни с болью вспоминала о том ужасном периоде.

В какой-то момент приступы резко прекратились. Доктора лишь разводили руками. Но самое ужасное Конни держала в секрете ото всех. От Сэма и от Лиз. Лишь Грейс знала правду, поскольку ей каким-то образом всегда удавалось разведывать самые оберегаемые тайны. Конни узнала, что недуг Сэма был лишь звеном чудовищной закономерности.

Отец Конни, Леонард, пропал без вести в Юго-Восточной Азии незадолго до ее рождения. Казалось бы, ничего необычного. Много юношей исчезло во времена Вьетнамской войны. Конни потянулась и взяла со стола единствен-

ную, потускневшую за годы фотографию отца, которая у нее была. С фото на Конни глядел молодой мужчина с отросшими бакенбардами. Он широко улыбался в камеру и одной рукой прижимал к себе до невозможности юную Грейс, только-только окончившую колледж Редклиффа. Ее волосы были длинными и гладкими, разделенными посередине прямым пробором.

Отец Грейс, Лемюэль, прожил чуть дольше Леонарда. Грейс даже его помнила. Но однажды, зимним днем, когда она еще училась в старшей школе, Лемюэля завалило дровами прямо за домом бабушки. Несчастный случай! Трагическое стечение обстоятельств.

Тем самым летом Конни провела расследование и кое-что разузнала о более древних представительницах семьи Гудвин. Разумеется, не все они звались Гудвин, ведь женщины выходят замуж, меняя фамилии, просто Конни придумала такое обобщение. Например, Пруденс¹⁹ Бартлетт – повивальная бабка эпохи войны за независимость. Конни не помнила, что за несчастье постигло ее мужа, но по какой-то причине Пруденс была вынуждена растить дочь самостоятельно. Мать Пруденс, Мерси²⁰ Лэмсон, потеряла супруга в середине восемнадцатого века. Его придавило бочкой во время разгрузки корабля. У матери Мерси, Деливеренс²¹ Дейн, му-

---

¹⁹ *Пруденс* (англ. Prudence) – Благоразумие.

²⁰ *Мерси* (англ. Mercy) – Милосердие.

²¹ *Деливеренс* (англ. Deliverence) – Освобождение.

жа Натаниэля отобрало сломавшееся колесо повозки. Вскоре после этого Деливеренс судили в Салеме как ведьму. И признали виновной.

У Сэма опасная работа, думала Конни после случившегося, но сейчас с ужасом признавала, что для мужчин ее рода, для отцов, сама жизнь таила в себе множество опасностей.

Конни казалось, будто лето 1991 года положило конец ужасающей традиции. Она была настолько уверена, что даже перестала думать о случившемся как о закономерности. Сейчас же Конни понимала, что ошибалась. Ужасно ошибалась.

– Хочешь сказать, мне нельзя иметь обоих? – спросила Конни, ощущая приступ тошноты.

Она слушала дыхание Грейс на другом конце провода. Арло положил голову на колени хозяйки и поднял на нее свои светлые глаза.

– Я лишь хочу сказать, – наконец вымолвила Грейс, – что это пока никому из нас не удавалось.

*Кембридж. Массачусетс**Середина февраля**2000*

– Конни?

– Да?

Она оторвала взгляд от тарелки, в которой помешивала салат из свеклы и козьего сыра, задевая фарфор зубчиками вилки. Томас Резерфорд склонился над остатками стейка с пюре и дотронулся до руки Конни.

– Вы в порядке?

– Да-да. Простите. Итак, о чем вы говорили? – спросила Конни.

Бывший диссертант, который за последнее десятилетие из робкого старательного мальчика превратился в крепкого и высоченного молодого мужчину с проникновенным взглядом, обеспокоенно глядел на Конни. Та отложила вилку в

сторону.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

Она коротко улыбнулась. Томас стал постдоком. «Вот и сам доктор Резерфорд!» – поприветствовала Томаса Конни, когда они отмечали это событие в пабе «У Абнера». Несмотря на то что профессор Гудвин относилась к Томасу как к другу, она продолжала держать разумную дистанцию. Резерфорду совершенно ни к чему было знать, чем заняты ее мысли. Как бы это звучало? «Ох, ничего, все в порядке. Ничего серьезного, просто не могу дописать книгу для заключения контракта. А еще я в замешательстве, потому как боюсь, что моего мужчину поразит молния или собьет автобус, если я с ним не расстанусь. А еще меня терзают смутные сомнения, что я не в своем уме».

– Близится окончание испытательного срока. Я переживаю. Вот и все.

И это было правдой. Хоть и не полной.

Томас поправил очки указательным пальцем.

– Понимаю, – ответил он. – Я перед защитой даже есть не мог.

– Вы? И не могли есть? – усмехнулась Конни.

Томас был из тех худосочных парней, которые сметали все подряд. Калории в его организме сгорали моментально. Наверное, он даже весил меньше Конни. В более юные годы она любила подкалывать Томаса, что у него завелся ленточный глист.

– Seriously, – подтвердил Том, натыкая на вилку кусочек стейка и отправляя его в рот.

Конни нанизала на вилку свеклу, в надежде что сможет хоть немного поесть, и оценивающе посмотрела на холодный пурпурный овощ, поблескивающий в обильном теплом свете заведения.

– Так что вы думаете? – спросил Томас.

– О чем?.. – Конни громко сглотнула, откладывая вилку с оставшейся на ней порцией салата.

Томас сжал губы, начиная терять терпение.

– Об идее моей книги.

– Ах, да. Звучит великолепно, – ответила она.

Что там он сказал о теме книги? Его диссертация была посвящена Оливеру Кромвелю, междуцарствию и Славной революции.

– Вы правда так думаете или просто так говорите? – практически раздраженно осведомился Томас.

Он хотел написать что-то о состояниях измененного сознания в культуре раннего Нового времени. О психотропных препаратах, использовавшихся для совершения священных ритуалов и погружений в транс. Точно.

– Нет, я серьезно, – сказала Конни, делая глоток чая со льдом. – Сейчас проводится много захватывающих исследований. Думаю, это отличный проект. И сможет неплохо помочь вам с трудоустройством через год-другой.

Левое ухо Томаса покраснело. Только левое. Довольно

странно.

– Честно говоря, – неспешно произнес постдок, – я соби-
рался заняться поиском работы чуть раньше.

– О-о...

На посту постдока Томасу оставалось еще два года. Он успел бы разобраться с книгой и пару раз выступить на конференциях, тем самым увеличив свои шансы. Стоит ли по-советовать Томасу не торопиться? Или он воспримет это как вмешательство в его дела и нарушение личных границ? Томас тоже работал под руководством Стивена Габсбурга и остался без наставника, когда тот отправился покорять голубые дали. Его академическая часть личности осиротела. Не так критично, как в случае с Зази, ведь у него оставалось больше времени, но все же.

– Я еще думаю. – Ухо Томаса стало уже пунцовым.

– Над чем-то конкретным? – Конни подтолкнула вилкой кусок свеклы.

– Да, – ответил подавленным голосом Томас.

Он распилил стейк на крошечные кусочки и намазал на каждый из них остатки пюре. Почему Томас не делится подробностями? Он что, вознамерился стать профессором раннего американского серфинга в Гавайском университете?

– Может, расскажете, куда собираетесь? – Конни обмакнула зубчики вилки в салатную заправку и размазала ее по краю тарелки.

– Я поклялся держать это в тайне. – Краска начала отли-

вать от уха Томаса.

– Хорошо. Но на вашем месте я бы доработала, написала книгу и заключила договор с издательством, а потом уже отправилась на рынок труда с более весомым портфолио. Но я – это я.

В сфере Конни ежегодно появляется по триста докторов наук. Лишь четверым из них удастся занять преподавательскую должность, предшествующую заключению постоянного контракта. В лучшем случае шестерым. Конни попала в число счастливиц. И впрямь, что она понимала?

– В общем, вы считаете, это крутая тема? – спросил Томас. – Большинство пишет первые книги на основе своих диссертаций, но... Я не знаю. Я хочу охватить больше. И... – Постдок раскидывал по тарелке оставшиеся кусочки стейка.

– И вы уже все решили? – улыбнулась ему Конни.

Томас кивнул с очевидным чувством облегчения, что кто-то его понимает.

– Да. Решил.

* * *

Пересекая гарвардский двор, Конни уткнулась в мохеровый шарф и натянула на уши шапку с помпоном. Она была рада повидаться с Томасом. Он напомнил ей о реальном мире, где идеи имели значимость.

Легкий снежок, что припорошил Массачусетс, похрусты-

вал под ботинками Конни, словно зола. Сэм уехал в Нью-Хэмпшир по работе и вернется только к выходным. Нужно рассказать ему сразу?

Наверное, да.

И как это сделать? Написать на торте? Нет, слишком избито. Или сыграть с ним в викторину и как-нибудь подсунуть карточку с нужным вопросом? Было бы забавно. Но трудно-осуществимо. Хм...

Еще в голове Конни крутился вопрос – достаточно ли далеко для безопасности Сэма находился Нью-Хэмпшир?

Достаточно ли далеко от нее?

Точнее, от... них.

Нет. Конни однозначно не была готова думать о себе во множественном числе. Она по-прежнему оставалась собой. Собой в новом, незнакомом состоянии, которое загадочным образом превратило вкуснейшую свеклу в неаппетитную и добавило прыщей на подбородок.

Конни прошла мимо библиотеки под припорошенными снегом вязами, чьи голые ветви тянулись к бело-серым турам, словно скрюченные пальцы. Ее первый руководитель, Мэннинг Чилтон как-то рассказал, что преподаватели Гарварда официально имеют право пасти свой скот в Гарвардском дворе.

– Значит ли это, что аспиранты имеют право пасти, к примеру, одну овцу? – пошутила тогда Конни.

– Любопытный вопрос. Надо бы поинтересоваться, – от-

ветил он, покуривая трубку.

Конни так и не пришла попрощаться с Мэннингом Чилтоном. Иногда ей казалось, что это следовало сделать. Они были весьма близки.

Теперь Конни даже не знала, жив ли ее бывший научный руководитель. Хотя что-то внутри подсказывало, что да. Ее мучило какое-то шестое чувство, словно мышь, грызущая соломенную крышу.

Конни прошла сквозь Джонстон-гейт²² и остановилась у перехода через Браттл-стрит. Она переминалась с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть, а мимо проплывали автомобили с забитыми снегом протекторами. Вдруг Конни вздрогнула и обернулась через плечо. Но зачем? Преследовать ее было некому. Никто даже не знал, где она сейчас. Не было ничего необычного в том, что профессор истории решила провести морозный февральский день в библиотеке другого учреждения.

Гарвардский двор позади Конни был практически пуст. Лишь несколько мрачных силуэтов пробирались сквозь холод – вероятно, спешащие на занятия студенты. Они миновали статую Джона Гарварда, что восседал на стуле с важным, как у Авраама Линкольна, видом. Суеверные туристы затерли медный башмак статуи до блеска. Потупив взгляд, Конни пересекла Браттл-стрит, давя ботинками хрустящий снег. Прошла мимо покосившихся надгробий старого кладбища и

---

²² *Джонстон-гейт* – главный из 25 входов в гарвардский двор.

Епископальной церкви с застрявшим в дверном наличнике мушкетным патроном революционного времени. Все выглядело так, как и должно было в обычный зимний день в Кембридже. Однако Конни не покидало странное ощущение.

Нужно было давно признаться Сэму, она даже старалась ему намекнуть, но тот не воспринимал ее слова всерьез. Оно и понятно. Конни сама едва ли в это верила. Однако, когда она вспоминала события того лета, все представало в ином свете.

Конни опустила взгляд на облаченную в варежку руку и почесала ее. Тело все помнило. Та боль была настоящей. Боль служила подтверждением тому, что произошедшее реально.

Ладонь Конни скользнула на ее пока еще плоский живот, сокрытый под слоями из пальто, свитера, юбки и колготок. Впереди новая боль. Будет ли она такой же? Резкой и жгучей. Или какой-то другой? Конни следовала вдоль Гарден-стрит к месту, где ранее располагался двор колледжа Редклиффа. Иногда, бывая там, она думала о Грейс. О шерстяных гольфах и воротничках «питер пэн», что та носила в первый учебный год. Затем наступили шестидесятые, и все переменилось. Некогда двор Редклиффа переполняли педантичные воспитанницы. Ныне же здесь обосновался Институт специальных исследований. Здесь можно было встретить лучших современных авторов, композиторов электронной музыки, ученых из Европы, но никак не юных девушек в шерстяных

гольфах.

Постоянными здесь были только перемены.

Этим морозным днем двор был совершенно пуст. Конни поднялась по ступеням библиотеки Шлезингера. Сумерки начинали потихоньку сгущаться, хотя пробило всего три часа после полудня. Под ботинками поскрипывал противогололедный реагент.

Зайдя в библиотеку, Конни сняла верхнюю одежду и убрала сумку в запирающийся шкафчик, оставив при себе лишь блокнот и карандаш. Она надеялась, что сможет вспомнить нужный код.

Библиотека Шлезингера славилась во всем мире как хранилище самого полного литературного собрания по истории женщин Америки. К примеру, здесь хранились записки Сьюзен Б. Энтони, Бетти Фридан, Амелии Эрхарт и Гарриет Бичер-Стоу. Библиотеке достались личные книги Эллы Фицджеральд и Мэрилин Монро. Здесь можно было отыскать также и труды, не представляющие особой ценности: например, любительские журналы феминистского движения 1990-х годов Riot Grrrl. Целые полки были забиты изданиями вроде «Книги леди Годей» и «Книги хорошей жены и хозяйки». А еще книгами рецептов. Несметным количеством подобных книг.

Конни потянулась за читательским абонементом. В библиотеке Шлезингера было всего несколько посетителей. Судя по внешнему виду – потертым джинсам и темным кру-

гам под глазами, – аспирантов. Женщина в шерстяной шали Eileen Fisher и очках для чтения, вероятно, была профессором. Но Конни никого не узнавала.

Она, не торопясь, выписывала цифры длинного кода микрофильма, включавшего в себя страницы любопытной книги, что некогда входила в особую коллекцию библиотеки, но с некоторых пор считалась утерянной. У книги не было автора. Точнее, авторов у нее было много. Большинство имен знала только Конни, да и то далеко не все. Но она понятия не имела, сколько в точности человек приложили руку к созданию этой книги.

В графе «Заголовок» Конни указала: «Книга рецептов без названия. Ранний американский период». Затем задумчиво постучала по губам карандашом и вписала еще несколько кодов других древних кулинарных книг из архива, чтобы никто не догадался, какую именно рукопись она возьмет.

Библиотекарь собрала карточки с запросами Конни, живо просканировала их глазами и сказала:

– Отлично. Подождите пару минут внизу, в хранилище микрофильмов.

– Большое спасибо, – как можно непринужденнее ответила Конни.

– Кстати, я как-то готовила силлабаб²³, – заметила библиотекарь, хорошенькая юная девушка с челкой, как у Бетти Пейдж, и в очках с темной оправой, как у типичной заучки.

---

²³ Сладкий пенный напиток, популярный в XVI–XIX вв.

В них она выглядела истинным «книжным червем».

– О-о-о, правда? – изобразила заинтересованность Конни.

– С хересом и лимонным соком. Вышло очень вкусно.

Библиотекарь покосилась на первый запрос Конни.

– Обязательно попробую, – ответила она.

Честно сказать, Конни сомневалась, что нужная ей книга содержит рецепт силлабаба.

Помещение без окон на нижнем этаже было заставлено металлическими стеллажами, на которых некогда хранились журналы. Со временем их постепенно перенесли с бумажного носителя на фотопленку. Конни остановилась у своего любимого читального аппарата, что располагался в дальнем левом углу. Загадочным образом Конни удавалось распечатывать на нем бесплатные копии. Она вставила в аппарат апертурную карту, ощущая легкое чувство вины, дав себе слово, что обязательно пожертвует библиотеке Шлезингера круглую сумму, дабы рассчитаться за украденные копии микрофильмов. Но не в этот раз.

В зале было пустынно и тихо, если не считать вентиляционного шума. Читальный аппарат покрылся слоем пыли и крошечными кусочками облупившейся краски с потолочных воздуховодов. Конни вытянула губы в трубочку и подула на пыльную поверхность. Частицы краски взмыли в воздух и опустились на стоявший поблизости стол. Это особенная тишина – тишина умирающей библиотечной техники.

Через несколько минут появилась девушка-библиотекарь

в забавных очках. Она принесла картонный поднос, где лежало несколько маленьких коробочек.

– Вот! – Библиотекарь опустила поднос на скрипучую выдвижную подставку рядом с читальным аппаратом. – Знаете, как им пользоваться? Или показать?

– О, у меня большой опыт. Спасибо.

– Пожалуйста. Как закончите, принесете мне все это наверх?

– Конечно. Спасибо.

Рука Конни нетерпеливо дрогнула, желая скорее выдержать вожаденный предмет из кучи «обманок». Она дождалась, когда девушка уйдет, и принялась жадно перебирать картонные коробочки, в которых хранились катушки фото- пленки с отсканированными страницами очень ветхих, древних и таинственных книг.

Наконец Конни отыскала нужную коробочку и бережно взяла ее в руки. Она не понимала, почему ощущает такой трепет, ведь микропленка вовсе не хрупкий предмет. Возможно, Конни просто знала, насколько уязвимым был оригинал. И как легко было его уничтожить.

Конни установила катушку на держатель, протянула прозрачную пленку через направляющие ролики и закрепила на принимающей бобине, вспомнив случай, произошедший много лет назад. Она находилась в книгохранилище, когда уже начинавший терять рассудок Мэннинг Чилтон явился и потребовал отдать ему ту самую рукопись. Он сыпал угро-

зами, и Конни не на шутку перепугалась. С тех пор она не любила находиться в пустынных хранилищах, хоть и понимала, что это глупо, ведь бывший наставник здесь точно уже не появится. Он больше не причинит ей вред. Конни обернулась еще раз, с целью убедиться, что в помещении никого нет, и запустила аппарат.

Она промотала прозрачную ленту. Показался кадр с указанием даты создания микрофильма: март 1990 года. Количество страниц: 265. Нумерация: отсутствует. Конни прокрутила пленку вперед. Пустой кадр. Пустой кадр. Пустой кадр.

Затем последовал блеклый и размытый рукописный текст. Конни прибавила яркости, и буквы обрели очертания. Они были древними, ветвистыми, местами кривоватыми и неясными. «Почерк секретаря», что был популярен в шестнадцатом и семнадцатом веках. Тот самый, где английская «С» похожа на «R», а «X» на «C». Чтение старинных писаний зачастую напоминало взламывание секретного кода.

Страницы сменяли друг друга, подсвечивая лицо Конни теплым желтым свечением. Ее глаза бегло сканировали пляшущие буквы до тех пор, пока не зацепились за смутные очертания знакомой строки. Конни настроила резкость линзы.

«Как избавиться от припадков».

Вытянув руку, она нажала на кнопку: «Распечатать».

*Бостон. Массачусетс**Середина февраля**2000*

– Что это? – спросила Зази, указывая пальцем на внушительную стопку распечаток, проколотых дыроколом и сложенных в неподписанную папку-скоросшиватель с тремя кольцами, которая покоилась на краю рабочего стола Конни.

Та поборолла очередной рвотный позыв. Она надеялась, что Зази не обратила внимания на бледность ее лица. Каждое утро, когда Конни просыпалась под раскатистые напевы бранящихся автомехаников, ей казалось, будто ничего не изменилось. Первые минуты нежилась в постели, раскидав по ней конечности, словно морская звезда, и с предвкушением обдумывала планы на день – какую лекцию прочитать, с кем встретиться, сколько работ оценить... Но, когда к свесившейся с кровати руке прикасался шершавый язык Арло и

Конни приходилось поднять голову с подушки, ее снова одолевал приступ тошноты. Точно волна, он зарождался в груди и подкатывал к корню языка. Всю прошлую неделю Конни вынужденно провела практически на монодиете, состоящей из минералки и английских маффинов. У Сэма забрезжили подозрения.

– Это... первоисточник... – начала отвечать Конни, но зря.

Зази пользовалась свежим и насыщенным парфюмом, подходящим для юных особ. Возможно, апельсиновая цедра и масло ветивера. Конни чувствовала, что объективно аромат был приятным, однако еле сдерживалась, чтобы не вывернуть содержимое желудка прямо перед собой.

– Это для вашей книги? Можно взглянуть? – В глазах Зази засияло любопытство.

– Ах... – Конни не желала показывать рукопись кому-либо.

Сперва она планировала рассказать о находке Сэму, но как-то не выдалось подходящего времени. Теперь же ощущала странное нежелание делиться старинной рукописью с кем бы то ни было. Столько времени ушло на то, чтобы ее отыскать... А еще больше на то, чтобы понять. Для Конни это было чем-то личным.

Конечно же, рукопись ей не принадлежала и за века в чьих только не побывала руках. Она принадлежала всем. Или никому. Тем не менее Конни подробно изложила содержание

древнего источника в своей работе, и совсем скоро весь мир узнает об этой особенной, таинственной и сложной для понимания книге. Под «всем миром» она подразумевала дюжину-другую историков. Но это не важно. Это тоже – целый маленький мирок.

Вдруг Зази не поймет, в чем заключается особенность и ценность этого древнего артефакта? И чем он так примечателен. Это просто недопустимо.

– Конечно, – выдавила Конни после недолгой паузы и, пошатываясь, поднялась на ноги. – Я пока отойду выпить воды.

Зази радостно взвизгнула и плюхнула папку себе на колени. Кони вышла из кабинета, закрыла за собой дверь и, придерживаясь рукой за стену, направилась по коридору к фонтанчику для питья. Откинув косу назад, нагнулась к крану и сделала глоток. Текущая по замерзшим трубам вода была холодной и имела металлический привкус. Конни прополоскала рот и сплюнула. Затем, впившись в металлический цилиндр обеими руками, склонилась над раковиной и глянула на свое отражение.

– Соберись, Гудвин, – прошептала она.

Рот в отражении зашевелился – губы размыкались и смыкались. О, нет. Ее же не вырвет прямо в фонтан. Ни за что. Конни закрыла глаза и попыталась прогнать неприятное ощущение.

Когда она вернулась в кабинет, Зази сидела в ее затертом кресле с цветочной вышивкой, скрестив ноги, и с довольным

видом изучала распечатки.

– Я точно читала об этом раньше! – воскликнула аспирантка, закрывая папку, предварительно зажав пальцем страницу, на которой остановилась.

– Правда?

В этот самый момент заиграла тоненькая звонкая мелодия в стиле диско, и Зази выудила из сумки маленький телефон Nokia.

– Прошу прощения, – бросила она, прежде чем ответить. – Мамуля? Mira, я же просила не звонить, когда я на встрече с профессором. Нет, послушай... – Девушка переключилась на испанский. Разговор, а точнее порицание собеседника продолжалось примерно минуту и наконец завершилось: – Хорошо. Люблю тебя. Пока. – Зази отключила телефон и спрятала его обратно в сумку.

– Все в порядке?

– Ой! Мама названивает без конца. Это очень отвлекает. – Зази теребила нитки, выбившиеся из обшивки подлокотника.

Она жаловалась на мать точно так же, как Конни на Грейс. Однако Конни никогда не находилась так далеко от дома, как Зази. Интересно, мама Эсперансы обладает таким же сверхъестественным даром звонить дочери в самые неподходящие моменты?

– Смотрите! – Зази мгновенно переключилась на другую тему, склонилась над папкой и принялась перелистывать

распечатки.

Она делала так постоянно – закончив одно дело, тут же принималась за следующее. Интересно, сколько мыслей могло одновременно уживаться в ее голове? Конни предполагала, что много. Возможно, даже больше, чем Зази показывала.

– Ну-ка? – Конни подошла и, опершись на спинку старого кресла, взгляделась в страницу, на которую девушка указывала пальцем.

– Сколько лет этой рукописи, вы сказали?

– Я не говорила, – ответила Конни. – Это вопрос сложный. У нее нет определенного возраста. Последние записи датируются серединой восемнадцатого века. И то, это мои предположения, основанные на стиле письма.

– А сколько самым первым записям? – с неподдельным интересом спросила Зази.

Конни задумалась.

– Не знаю. Думаю, они относятся к позднему Средневековью.

Зази оперлась подбородком о кулак.

– Еще древнее, чем я предполагала.

– Правда?

– Ага. Говорю же, я про это уже читала раньше. На самом деле я буду рассказывать об этом на конференции. – Палец Зази указывал на рукописное описание ритуала, который назывался «Сито и ножницы».

По спине Конни пробежал холодок, а уши занемели.

– Серьезно? – Собственный голос показался ей приглушенным из-за пульсирующей в висках крови.

– Да, – ответила Зази. – Не помню, где читала об этом. Возможно, у Зоры Ниэл Херстон. Не важно, у меня точно есть в записях.

– Вы шутите? У Зоры Ниэл Херстон, автора книги «Их глаза видели Бога»?

– О, Зора была экспертом в подобных делах! Изучая фольклор южных народов, она общалась с людьми и написала кучу книг. И даже не обошла вниманием вуду. Не помню точно, ее ли это строки, но я определенно их уже встречала. Вот: «Возьмите сито и поставьте его на раскрытые ножницы», видите? – Зази изобразила прочитанное жестами.

– И что дальше? – осведомилась Конни, не признаваясь, что как-то сама экспериментировала с описанным методом.

– Дальше держите это все перед собой и задаете интересный вопрос. Если сито опрокинется, это означает одно, а если нет – другое. В рукописи то же самое, только, судя по почерку, написано в раннее Новое время.

– А каких лет был источник, который видели вы?

– Ну... – протянула Зази, накручивая на палец локон. – Гораздо новее! Конец девятнадцатого или начало двадцатого столетия. И это было про Алабаму. И имело отношение к худу.

– Худу? То же, что и вуду? – спросила Конни, чувствуя себя глупо.

В этом заключалась проблема американистов раннего периода. Их знания резко обрывались на 1800-х годах.

– Не совсем. – Зази продолжила листать рукопись. – Хотя они и похожи. Вуду – синкретический культ Гаити. В Луизиане существует некоторая разновидность вуду, поскольку все те белые люди, которых выгнали с Гаити после революции, привезли с собой рабов. Вот откуда взялись эти зомби. Те, что мы наблюдаем в кино. По сути, зомби – это тело, принудительно лишенное разума. Оно бездушно и занимается непосильным трудом без шанса найти покой в смерти. Полный аналог рабства.

– Я никогда не думала о зомби в таком ключе. Но вы правы.

– Худу – немного другое. Это... – Зази подняла глаза к потолку.

Конни знала из личного опыта, что на потолке ничего не написано, однако сама не могла отделаться от привычки на него поглядывать.

– Это... – снова начала Зази, пожимая плечами. – Это про чары. Суеверия. Заклинания и снятия порчи. Знахарские травы.

– То есть шарлатанство?

Конечно же. Все верно. В своей книге Конни доказывала, что вера в ведьм никуда не исчезла после 1700-х. Просто она изменилась, ушла в подполье. Так отчего бы ей не распространиться? Не перемешаться с другими обычаями? Множе-

ство бурлящих потоков слились в единое... что?

Что стало с ведьмами, когда их перестали таковыми называть?

Зази продолжала переворачивать листы и, наткнувшись на рецепт припарки для «геморроя заднего прохода», усмехнулась.

– Черт! Представляю, насколько скверной была жизнь в те времена.

– Довольно-таки. – К горлу Конни мягко подкатил очередной ком.

Как долго будет продолжаться токсикоз? Нужно навести справки. Может, существуют какие-то витамины? Или следует исключить рыбу? Должно же быть какое-то решение. Обычно взрослые ответственные женщины знают такие вещи. Собственная неосведомленность казалась Конни нелепой. Может, она не готова? Или вообще недостойна иметь работу и жить самостоятельно? Может, для всех будет лучше, если она просто сдастся и уедет жить к матери?

Необходимо записаться к врачу.

Нужно рассказать обо всем Сэму.

Или порвать с ним.

– Что это? Латынь? – Зази, сощурившись, вглядывалась в лист, исписанный причудливыми буквами.

– Нет. – Конни опустилась на колени у кресла, чтобы тоже взглянуть на манускрипт. – Точнее, я так не думаю. Мне кажется, это криптограмма.

– То есть, зашифрованный текст?

– Да.

– Почему вы так решили?

– Ну...

Конни обратила внимание на странный текст сразу же, как впервые обнаружила книгу. Тогда она целый день просидела за бабушкиным столом, склонившись над шифром с лупой, пока строчки не поплыли и не заплясали на бумаге. Конни планировала вернуться к манускрипту позже, но...

– Смотрите! – прервала Зази поток воспоминаний Конни. – Здесь вроде бы прослеживается закономерность.

– Да. Некоторые комбинации повторяются.

Профессор склонилась над коленями Зази и указала на периодически повторяющиеся «TUR».

– Какой у вас клевый браслет, – отметила Зази, дотрагиваясь до привязанного к запястью Конни орлиного камня. Тот задребезжал.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила Конни.

– Так и о чем это говорит? – Зази склонилась ниже.

Обе женщины внимательно вглядывались в таинственный неразборчивый текст:

FRAGARIAALOETURTURALNUSCORVUSALNUS
ROSASALVIATULIPAALNUSROSATUSSILAGO
ALOEJUSQUIAMUSRUBUSFRAGARIAANGUILLA
TUSSILAGODIGITALISALNUSGNAPHALIUM
IRISLUPINUSRUBUSDAFFODILUSBOSMUTUS

GNAPHALIUM PAEONIA ROSA BOSMUTUS TULIPA
ALOELUPINUS ALOE FRAGARIA ALOE TUR TUR
ALNUS CORVUS ALNUS ROSA SALVIA TULIPA
ALNUS ROSA TUSSILAGO ALOE

– У вас есть идеи? У меня нет, – в конце концов призналась старшая.

– Вы обязаны выяснить! – воскликнула Зази. – Будет так круто, если вы расскажете об этом в своей книге! Вдруг это что-то сенсационное?

– Вам известно, о чем моя книга? – удивилась Конни.

– Ну... Я читала вашу диссертацию. Именно поэтому захотела с вами работать, – просто ответила аспирантка. – Разве профессор Сильва вам не рассказывала?

Так-так. Похоже, во всей этой истории с наставничеством была замешана не одна, а целые две хитрые сообщницы.

– Вообще-то нет, – ответила Конни, – не рассказывала.

– Так вот. Я взяла ее в библиотеке Техасского университета. Мне правда очень понравилось. – Зази перевернула еще одну страницу. – Несколько многословно, но это не страшно.

Непосредственность Зази ошарашивала. Что творится с нынешней молодежью? Каково это, быть настолько самоуверенной?

– Так вы собираетесь расшифровывать криптограмму дальше? – Зази потянулась за плафоном настольной лампы и направила желтый свет на свои колени. – Я могу помочь, если не возражаете.

Что вообще надеялась разузнать Конни? Если даже Деливеренс Дейн, которая, насколько было известно профессору, являлась первой владелицей старинной книги, не смогла разгадать, как избавить свой род от того... от того, во что Конни даже не верила. Но тем не менее опасалась. Она не знала, где искать разгадку. Профессор смогла расшифровать практически все, кроме нескольких криптограмм и длинных абзацев на латыни, разобраться с которыми без помощи Лиз шансов не было. Что она теряет?

– Хорошо, – с трудом выдавила Конни, а Зази взвизгнула и хлопнула в ладоши.

– Я готова начать прямо сейчас! Смотрите, это случаем не напоминает вам слово «нарцисс»?

Конни все буквы казались одинаковыми. Они словно намерено скрывали от нее смысл. Профессор надела очки и снова вгляделась в криптограмму. Где же там «нарцисс»?

И действительно. Посреди всей этой бессмыслицы очевидно узнавалось сочетание букв «A F F O D I L».

– Бог мой! – воскликнула Конни.

Зази передала ей тяжелую папку, уступая место в кресле. И тут же схватила за пальто и шарф и достала мобильный.

– Зази! Вы просто чудо!

– Я знаю, – ответила та, но ее щечки зарделись от такого приятного комплимента.

– Обязательно дайте знать, когда подготовите черновой вариант автореферата, тогда мы сможем обсудить его до кон-

ференции. Если, конечно, вы уверены, что хотите выбрать в качестве темы синкретические религии.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. – Зази намотала вокруг шеи яркий шарф цвета «фуксия» и собрала кудри в пучок на макушке.

– И я не смогу вас отговорить?

– Нет, – покачала головой девушка.

– Но вы никогда не найдете работу, – предостерегла ее Конни, выгибая бровь.

– Да-да. В общем, продиктуйте мне ваш номер, а я скину вам свой сообщением. – Зази держала телефон наготове.

– У меня нет мобильного, – ответила профессор.

– Что-что?.. – Зази казалась растерянной.

– До скорой встречи, – попрощалась Конни, проводя пальцем по буквосочетанию «A F F O D I L».

Интерлюдия

В водах Северной Атлантики

Март

1661

Вокруг Ливви раздавались стоны и скрипы корпуса деревянного судна. Завывающий в такelage ветер напоминал женские вопли, только не прерывался ни на мгновение. В деревянном скрежете различались тихие всхлипывания, а сверху, на палубе, гремели топот и мужские выкрики. Ливви прижала колени к груди и задрожала. Из щели над головой вытекала тоненькая струйка ледяной воды. Капли, одна за другой, шмякались прямо на плечо девочки. Они впитывались в шерстяной рукав и, преодолевая нижние слои одежды, хватали Ливви холодными пальцами.

Рядом с ней, в полумраке трюма, сидела женщина из Ипсвича. Она согнулась пополам и уткнулась лицом в фетровую шляпу. Едкий запах не до конца переваренной говядины

ужалил ноздри Ливви, и она сглотнула подкативший к горлу комок. Пол был скользким от влаги, рвотных масс и мочи. Уже несколько дней подряд пассажиры не могли посетить галльон из-за северного штормового ветра. Словно сам Нептун дул на корабль влагой и холодом, раздувая мощные щеки. В конце концов все сдались и забились по углам. Держаться на ногах едва ли представлялось возможным. Корабль непрерывно взмывал на крутых волнах и обрушивался в темную бездну.

По другую сторону от Ливви жались друг к другу Анна и Роберт Хасселтайны. Их тупоносые ботинки и подол платья матери перепачкали нечистоты. Руки Анны были плотно прижаты к телу, а пальцы переплетались под подбородком как в молитве. Ко всему прочему это еще и помогало согреться. Роберт одной рукой обнимал жену, а другой держался за ее предплечье. Они покачивались вместе с кораблем. Анна с зажмуренными глазами шептала незнакомые Ливви слова. Роберт глядел вверх, пытаясь отследить перемещение моряков по палубе.

– Взались! Давай! – скомандовал кто-то, а затем послышался скрип натянутых канатов.

Корпус корабля закрипел, и Ливви подобралась поближе к матери.

Всего на борту находилось пассажиров сорок. Среди них были три или четыре светских дамы с горничными. Они расположились в отдельных каютах в кормовой части судна.

Ливви удалось взглянуть на аристократок во время посадки в Ипсвиче, и она сильно ругала себя за то, что восхитилась ленточками на их роскошных рукавах. Господа – спутники дам – охотно заняли рубку, где не испытывали недостатка в крепленом пиве и вине. Все остальные – мужчины, женщины, дети, младенцы – ютились на батарейной палубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.